

КОРРУПЦИЯ: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический
университет»
Институт психологии

Коррупция: заметки на полях

УЧЕБНО - МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

Екатеринбург 2018

УДК 159.9:328.185(075)
ББК Ю957.2
К68

Рекомендовано Ученым советом федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
в качестве учебного издания (Решение № 114 от 16.11.2018)

Ответственный редактор:

Кандидат педагогических наук, доцент
директор Института психологии УрГПУ
Л.А. Максимова

Выпускающий редактор:

доктор психологических наук, профессор
А.В. Смирнов

Коллектив авторов: П. Ю. Ежов, О. В. Новикова, А. Г. Оболенская, А. В. Смирнов

К68 Коррупция: заметки на полях [Электронный ресурс] : учебно-методическое пособие / П. Ю. Ежов [и др.] ; Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Л. А. Максимова. – Электрон. дан. – Екатеринбург : [б. и.], 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

ISBN 978-5-7186-1090-1

В пособие вошли работы сотрудников Института психологии, отражающие их научно-исследовательский интерес и представляющие результаты ряда исследований по проблемам коррупции. Рассматриваются проблемы культурологического различия подарка и взятки; коррупционности организационной культуры предприятий; экономический анализ феномена коррупции; результаты эмпирических исследований индивидуальности коррупционера.

Пособие содержит практические задания, направленные на творческое усвоение материала, результаты выполнения заданий могут быть использованы в профессиональной деятельности.

Материалы пособия могут быть использованы в теоретических и практических аспектах психологической науки и смежных с ней областях.

УДК 159.9:328.185(075)
ББК Ю957.2

ISBN 978-5-7186-1090-1

© Ежов П. Ю., 2018
© Новикова О. В., 2018
© Оболенская А. Г., 2018
© Смирнов А. В., 2018
© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции.....	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ: ПОДАРОК ИЛИ ВЗЯТКА (П.Ю.Ежов).....	8
ГЛАВА ВТОРАЯ: ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И КОРРУПЦИЯ (О.В. Новикова).....	21
ГЛАВА ТРЕТЬЯ ЭКОНОМИКА КОРРУПЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД (А.Г.Оболенская).....	31
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ЭМПИРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ КОРРУПЦИОНЕРА (А.В.Смирнов).....	52

От редакции

Обращение к известному в научных кругах информационному ресурсу **e-library.ru** показало наличие более 134 тысяч публикаций, посвященных различным сторонам коррупции. Этот факт говорит не только об укоренившемся в нашей жизни феномене коррупции, но и о том, что, во-первых, это явление многогранно, сложно, системно, а, во-вторых, о том, что до сих пор не удается найти однозначные, научно обоснованные ответы на вопросы об этиологии коррупции, ее формах и проявлениях, ее динамике, реальных последствиях для государства и культуры, мерах минимизации и профилактики.

Традиционный декартовский подход говорит нам о коррупции как о линейном явлении – «есть причина, есть и следствие». Такой подход рассматривает коррупцию либо как нечто внезапно возникающее внутри системы при сбое ее прежде нормального функционирования, либо как нечто привнесенное внешними силами, что и приводит к сбою нормально отлаженного социального организма. Точки зрения, гипотезы, методология инструментарий исследований и соответственно результаты определяются изначально тем, какую позицию занимает «наблюдатель»-«внутри изгороди» или «стоит за изгородью. Есть конечно интеракционистские попытки искать причины коррупции – «свести двух наблюдателей вместе» - поиск механизмов слияния внешнего и внутреннего. Однако, линейность при этом, тем не менее, остается. Результатом этого как раз и является обилие научного материала, который хоть и пытается дать ясный ответ на вопрос, но дает его несколько односторонне. Коррупция оказывается результатом случайного взаимодействия множества независимых факторов, каждый из которых, так или иначе, участвует в ее формировании, развитии и поддержании. Каждый исследователь, в зависимости от выбранной позиции «наблюдателя» занимается изучением «своего» фактора коррупции. Конечно, такому положению вещей способствовала естественная история развития любой науки. Эволюционно развивающаяся методологическая, предметная узость и разобщенность направлений в изучении, например, коррупции, их изолированность друг от друга сформировали тенденцию к своеобразному описательному «коллекционированию» разнород-

невых черт коррупционной индивидуальности, этиологических, факторов коррупции как явления и коррупционного поведения, представлению множества моделей механизмов развития коррупции. Способствовали появлению множества определений, как коррупционного поведения, так и самой коррупции, как явления, обнаруживающих как различное понимание этого феномена, так и узкую тенденциозную оценку коррупции только с юридических позиций асоциальности. Все это, конечно, создает трудности для четкого представления единой картины феномена коррупции. Следствием этого явилась ограниченность большинства исследований изучением только отдельных сторон этого явления.

Однако, можно изменить ситуацию если найдется единая методологическая основа, способная с единых методологических позиций связать различные стороны феномена коррупции, который, как минимум, содержит культурологические, экономические, социальные, социально-психологические, психологические, политические аспекты. Однако, такую спасительную «универсалию» можно ждать вечно.

Другим средством изменения ситуации может явиться изменение линейного взгляда на какой-то иной, в исследовании коррупции. А что если феномен коррупции имеет не линейную, а хоლოномную природу - коррупция как холон? Поскольку многие феномены окружающего мира построены по принципу холона, например, молекула воды есть целое для своих частей – атомов, но является частью организма; фонемы выступают как целое к буквам, но как часть к словам, фразы - есть целое по отношению к словам, но являются частью предложения; мозг человека, содержащий мозг рептилий, мозг древних млекопитающих и неокортекс также построен по принципу холона, то и феномен коррупции можно представить как холон.

Идея холона противостоит идеям линейности. Холон — он же некая система или явление, рассматриваемое как система, которое само по себе, взятое отдельно, уже является самодостаточным целым, но вместе с этим, одновременно представляет собой часть другой, ещё большей системы. Поэтому любая система может рассматриваться в качестве холона. Холон - это не части в составе целого, и не целое, объединяющее свои части, а одновременно и части и целое. Вненахождение целого и его частей по отношению друг к другу, представляет собой фундаментальное

положение, которое отличает холономный подход от холизма и атомизма. Взаимосвязи холонов и элементов самих холонов – холархия - не подразумевают жесткой субординации типа «высший - низший», а строятся на принципах естественного распределения функций. Более высокий уровень выполняет функции целого по отношению к более низкому уровню, а более низкий уровень выполняет функции части по отношению к более высокому уровню. Целое и часть дополняют друг друга. Таким образом, могут строиться все новые и новые системы, для которых прежние начинают играть роль их части, а новые, становятся потенциальными частями для будущих и т.д.

Так, в контексте темы коррупции, мы можем сказать, что, например, подарок, как целостное явление, выступает частью человеческой коммуникации. Вместе они образуют некую культуру общения, самовыражения, выражения чувств, укрепления связей (например, семья, родня, соседи), которая по мере развития, становится самостоятельным явлением и уже выступает частью культуры иных (не родственных), а например, отношений внутри этноса, а затем и социально-экономических отношений, с которыми связывается статусное положение людей и т.д. и т.п. То есть, коррупция, вырастает из естественных функций и проявлений культуры, становясь и ее частью и одновременно, целым, самостоятельным явлением, уже оказывающим влияние на культуру, в которой она была рождена. И в этом «ожерелье холонов», каждое звено уже является вполне самодостаточным, автономным явлением.

Наше предисловие мы начали с тезиса о коррупции как о некоем критическом явлении, порождаемой сбоем социальных систем, или привнесенной внешними силами. Идея холономности феномена коррупции говорит о ее естественном эволюционном развитии внутри систем. А это значит необходимость смещения акцента с собственно коррупции, на системы, в которых она развивается – социальные системы, развивающиеся из культуры как целого и части.

Этот акцент в полной мере представлен в предлагаемой читателю коллективной работы – **«Коррупция – заметки на полях»** - авторами которой явились сотрудники Института психологии Уральского государственного педагогического университета. В развитии материала, изложенного на страницах пособия, мы со-

знательно ушли от идеи линейности, но акцентировали идею роли культуры (социальной, экономической, организационной, личной) как холона в зарождении, развитии, поддержании феномена коррупции.

Мы сознательно не придерживались академически выверенной стратегии в изучении такого комплексного явления как коррупция – каждый автор излагал тему интересную лично ему в том объеме и стиле, который сам считал приемлемым – это и послужило поводом для названия пособия.

Материал первой главы (автор Павел Юрьевич Ежов) – затрагивает крайне злободневную проблему неспособности многих людей отличить взятку от подарка. Автор дает ответ на очевидный вопрос о причинах этого явления, анализируя социокультурный аспект наших традиций и коммуникаций.

Источником коррупции может выступать сама организационная культура, система ее ценностей. Будучи включенными в единый организационный климат, его семантику, сотрудники часто неспособны противостоять коррупционным искушениям. Этой проблеме посвящен материал второй главы (автор Новикова Ольга Васильевна).

Экономический подход к анализу феномена коррупции изложен в материале третьей главы (автор Оболенская Алена Германовна). Материал представляет нетрадиционный взгляд на коррупцию как на институциональный компонент экономической системы. Анализ коррупции с этого ракурса в свете различных экономических теорий, хорошо проявляет «коррупционные ловушки» и их последствия для экономики.

Пособие завершается представлением результатов эмпирических исследований индивидуальности коррупционера, проведенных Смирновым Александром Васильевичем. Материал завершается представлением маркеров коррупционера, которые могут быть использованы на практике для выявления как реальных, так и потенциальных коррупционеров.

Редакция

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОДАРОК ИЛИ ВЗЯТКА? –

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ

АСПЕКТ

Многочисленные социологические исследования показывают, что в настоящее время три четверти россиян дарят подарки государственным служащим и не видят в этом ничего зазорного. Большинство таких подарков преподносится в знак благодарности за помощь в решении проблем или за быстро и хорошо выполненную работу (92%). Небольшая часть опрошенных (8%) сказали, что с помощью подарка они пытаются добиться особого отношения к себе. Чуть меньше половины (42%) уверены, что дача взятки способствует решению большинства вопросов. Абсолютное большинство россиян (95%) не могут внятно сформулировать отличия подарка от взятки [6].

Данные исследований отчасти вскрывают причины, по которым ведущаяся несколько столетий «беспощадная» борьба с незаконным использованием чиновниками служебного положения оказывается малоэффективной. Первая причина видятся прежде всего в «толерантном» отношении граждан к коррупции, уверенности в том, что без подкупа должностных лиц невозможно добросовестное выполнение ими своих прямых обязанностей. Вторая причина – неспособность большинства граждан отличить взятку от подарка. Между тем вручение такого «подарка» может повлечь привлечение к уголовной ответственности, как дарящего, так и одариваемого [17].

Пропагандистская работа с различными группами населения (в том числе и с чиновниками) по формированию нетерпимого отношения к коррупции должна строиться на дискредитации социально-культурной ценности взятки. Для этой же цели необходимо показать основные отличия подарка от взятки, позволяющие рассматривать подарок как культурный феномен, а взятку – как антикультурное явление.

Понятия «ценность», «культурный», «антикультурный», «социально-культурный» весьма многозначны. Под «ценностью» мы будем понимать явления и предметы материального или духовного характера, имеющие положительную значимость для человека (индивидуальные ценности), социальных групп, общества (социальные ценности) [11]. В понятии «культурный» (культурная ценность) для нас важно значение, связанное с созидательным потенциалом такого предмета или явления, что следует из определения культуры в Российской педагогической энциклопедии [15, С. 486]. Под созидательным потенциалом мы будем понимать способность такого предмета или явления побуждать человека или социума к поведению (действию), несущему пользу физическому и психическому здоровью человека и общества. Тогда, «антикультурный» нами будет пониматься, как имитирующий культурный по форме, но предназначенный для удовлетворения низменных потребностей человека, удовлетворение которого чаще всего наносит вред физическому и психическому здоровью человека, коллектива, общества [8, С. 73]. Социально-культурные процессы нами будут пониматься как взаимодействие людей по созданию, освоению, сохранению и распространению культурных ценностей [1, С. 80].

Изучение феномена подарка и процесса дарения вызывает огромный интерес психологов, социологов, историков, экономистов и имеет весьма давнюю историю [16]. Уже Аристотель обращал внимание на то, что значение подарка заключено не столько в его материальной ценности, сколько в том, что он является знаком уважения и почета [2]. Важная веха в исследовании подарка началась с публикации французского этнографа и антрополога Марселя Моссэ (1872-1950). Моссэ изучил экономическую составляющую жизни народов, сохранивших архаичный уклад жизни. В опубликованном в 1925 году эссе «*Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques*» Моссэ показывает, что все изученные общности объединяет схожесть практики дарения. При отсутствии товарно-денежных отношений, договоры и обмены совершались в форме дарения – внешне добровольного и безвозмездного, но по сути обязательного прагматичного акта. Верования и традиции этих народов приписывают им как внутри общины, так и по отношению к другим общинам, в обязательном

порядке дарить, принимать и возвращать подарки. В условиях конкуренции семей и кланов величина дара должна была подтверждать социальный статус дарящего. Дарящий непременно ожидал взамен равного или превосходящего по размеру ответного подарка. Дар другим семьям, кланам, общинам, богам, детям, нищим обязательно должен вернуться. В случае с даром детям и обездоленным – от богов или духов в виде их «благодарности».

Дарение в архаичных обществах бессмысленно с точки зрения накопления материальных благ, поскольку подарки неоднократно передаривались. Как было замечено ранее, ответный дар мог превосходить первоначальный. Мосс предположил, что значимость дара заключена в установлении, развитии и сохранении социальных связей сторон, участвующих в процессе. Дарящий демонстрировал свое дружеское отношение, а принимающий – готовность принять его и отплатить тем же. Хотя формально ответное дарение совершалось добровольно, отказ от него мог стать причиной разрыва отношений между племенами и даже войны [10].

Концепцию Мосса развивает В.И.Ильин [9]. Анализируя феномен подарка в условиях современных рыночных отношений, ученый предложил «теорию социальных сетей». Социальные сети - это некие каналы, связывающие социальные позиции как внутри одного социокультурного поля, так и разных. Ильин предлагает иерархию социокультурных сетей: семья, родные и близкие, неформальный круг друзей, коллеги и знакомые. По мере удаления от ядра (семьи), меняется характер взаимоотношений между членами социальной общности, а значит и характер дарения. Отношения становятся более отдаленными, а подарки носят меньше оттенка чувств, становятся более безличностными и утилитарными. Участие в социальной сети дает индивиду возможность увеличить свой социальный капитал и получать доступ к ее ресурсам (моральным, финансовым, административным, патронажным и другим). Функционирование сети возможно только при взаимодействии ее членов. Сеть, в которой долгое время нет взаимодействия ее участников, вырождается. Так, например, студенты одной группы университета могут составлять социальную сеть с особыми доверительными отношениями. Их связывают общие цели и интересы. После окончания университета совместная деятельность, как правило, заканчивается, а отношения между

участниками группы становятся все более отдаленными. Рабочее состояние сети может поддерживаться при взаимном инвестировании в нее различных ресурсов: сил, средств, внимания. Формой инвестирования является и подарок. Обмен подарками по праздникам – самая распространенная форма поддержания сети. Выгоды от членства в сети не привязаны к акту дарения во времени, не эквивалентны стоимости подарка. Наоборот, слишком дорогой подарок может внести дисбаланс в отношении членов сети, поскольку нарушает принцип равенства и ставит одного члена выше других (исключение – родственные сети). Таким образом, дарение подарков символизирует принадлежность к сети и готовность участвовать в ее поддержании.

Культурно-исторический анализ феномена подарка и процесса дарения с древних времен до наших дней осуществили Попова Л.В. и Стефурак К.Н. [14]. Авторы показывают, что дарение подарков является одной из древнейших традиций человечества.

Владимир Иванович Даль определяет «подарить» как «отдать вовсе, бесплатно, бесповоротно, безмездно». На Руси с древних времен ценилась не стоимость подарка, а внимание: «Не дорог подарок, дорога любовь». Считалось, что подаренные от чистой души, они приносят счастье, благополучие, достаток. Подарки же со злым умыслом способны навредить. Народные пословицы призывали получателя подарка быть бдительным (подарки глаза слепят), а также об общепринятой традиции отвечать взаимностью (любишь подарки, люби отдарки). В народных высказываниях подчеркивалась добровольность дарения, способность подарка выражать чувства дарящего к одариваемому: «Кого люблю, того подарю» [7, С. 4599-4600].

В античном обществе, для сыскания благосклонности высших сил, преподносились дары Богам. Подарки приобретают символическое значение. Позднее дары стали преподноситься не только Богам, но и вождям, становясь символом покорности и уважения. В такой ситуации нередко возникал вопрос о материальной ценности подарка. Например, римский император Калигула высмеивал тех, кто давал ему подношения, не достойные его положения.

В каждой стране, в рамках каждой религии существуют свои особенности выбора и преподнесения подарка. Общим является лишь то, что подарок и процесс дарения являются важными

составляющими любой современной культуры. В настоящее время все более в подарке начинает цениться не его материальная стоимость, а тот смысл, который в нем заключен.

Подарок с детства ассоциируется у нас с праздником. Каждый ребенок ждет подарок на день рождения, Новый год, успешное окончание учебного года. И действительно, чаще подарки дарят по праздникам. Праздник – «день радости и торжества по поводу чего-нибудь» [12, С. 576]. Этот день противопоставляется будням [Даль, 5218]. В словаре Даля «праздность» так же означает «ничего не делание» [7, С. 217], что чаще всего в нашей культуре носит негативный оттенок. Нужны ли праздники человеку?

Многие люди испытывают дефицит положительных чувств. Ежедневно человек совершает одни и те же действия, связанные с удовлетворением важнейших потребностей, необходимых для поддержания жизни и благополучия его самого, его семьи, близких ему людей. Учеба, работа, походы по магазинам, принятие пищи, воспитание детей... Выполнение ежедневно повторяющихся действий делает жизнь однообразной, проходящей по одинаковому ежедневному сценарию. Один день похож на другой. Бывает, эти действия тяготят нас («я должен», «я ни чего не успеваю», «не остается времени на себя любимого»). В рутинной жизни человек иногда испытывает и положительные эмоции, связанные с удовлетворением элементарных потребностей (вкусный обед, покупка хорошей одежды, комплимент от сослуживца) и всего, что может приносить удовольствие в повседневной жизни. Со временем впечатления и чувства от повседневных удовольствий притупляются или даже исчезают. Объекты удовольствия становятся атрибутами обычной жизни. Однообразие жизни утомляет. Человек чувствует себя «как белка в колесе». Чем дольше длится рутина, тем больше хочется чего-то новенького – новых впечатлений, ярких эмоций. У человека всегда есть потребность вырваться за границы повседневной рациональности, получить приятный сюрприз. (Сюрприз – «неожиданный подарок» [12, С. 784]). Неожиданный подарок может вызвать всплеск чувств. Удовольствие получает и тот, кто готовит сюрприз. Сначала от идеи, потом от подготовки и предвкушения реакции одариваемого. И далее от произведенного сюрпризом эффекта. Как подарок, так и процесс дарения могут быть связаны с неким таинством. Во-пер-

вых, дарящий может пожелать остаться неизвестным, что вызывает искренний интерес, а за ним и эмоциональный «всплеск» у одариваемого. В наши дни нередки случаи, когда люди жертвуют большие суммы денег на благие дела, помогают больным детям, многодетным семьям, одиноким старикам, и при этом не раскрывают своего имени. Мы восхищаемся такими людьми, несущими в мир добро и делающими наш мир лучше. Покрытым ореолом тайны может быть и сам способ вручения подарка. Например, на новогодний праздник родители просят детей посмотреть под елочкой, какие подарки принес им Дед Мороз. Что, несомненно, вызывает восторг у детей. И наконец, подарки могут дариться в обертке, скрывающей содержание. Создается приятная интрига для окружающих и одариваемого.

Не получая сюрпризов от других, человек может сделать сюрприз самому себе: сходить в кино, купить какую-нибудь безделушку и получить от этого удовольствие (испытать положительные чувства).

Неожиданные подарки могут украсить, эмоционально окрасить будни как того, кто делает сюрприз, так и того, кто принимает.

Ассоциация подарка с праздником «работает» и в обратную сторону. Как по праздникам принято дарить подарки, так и подарок может вызвать праздничное настроение и стать поводом для праздника. Так, подарив торт, человек может рассчитывать на совместное (приятное) чаепитие. Даже такой, казалось бы незначительный сюрприз, может стать поводом для выхода за пределы повседневной рутины.

Эффект от подарка усиливает и процесс дарения. Вручение подарка часто становится не только торжественной церемонией, но и настоящей театрализованной игрой. Приходя в гости, дарение гостинца детям мы можем превратить в красочное представление, с игрой «угадай, в какой руке лежит подарочек», эффектным и волшебным доставанием предмета, розыгрышем. На семейных и профессиональных праздниках пользуются популярностью так называемые «сценки», позволяющие в шуточной форме переместиться в любые страны и времена, попасть на разные планеты, популярные телевизионные передачи, мировые шоу. Для вручения подарков пишутся юмористические или пафосные речи, исполняются песни, танцы и другие зрелищные

миниатюры. Таким образом, процесс дарения сам по себе наполнен ярким эмоциональным действием, приносящим удовольствие как дарящей стороне, так и одариваемой. Подготовка и вручение подарка - чаще всего творческий процесс. Поэтому он позволяет развивать и поддерживать в актуальном состоянии творческие способности личности. Этот процесс может стать благоприятным поводом для проявления своей индивидуальности, лучших личностных качеств, улучшить отношения с другими людьми. Эмоции дарящего и принимающего подарок усиливаются эмоциональным откликом окружающих людей. Возвышенное, эмоционально насыщенное настроение, творческое самочувствие являются обязательным атрибутом дарения.

Любой подарок имеет объективное выражение, чаще всего является материальной вещью. Но вещь сама по себе еще не является подарком. Она становится таковым, когда предназначена для дарения. Выбор подарка часто оказывается непростой задачей. Во-первых, необходимо учесть индивидуальные особенности одариваемого. Значение имеют пол, возраст, национальность, семейное положение, вид занятий, социальный статус, увлечения, хобби, предпочтения и многое другое.

Как показали недавние исследования наших коллег «...прямой связи между национальностью (этнической принадлежностью) и проявлениями благодарности, представлениями о благодарности не существует. На представления о благодарности и ее проявления существенно влияют возрастные и половые особенности индивидуальности человека. Женщины в большей степени, чем мужчины отражают гуманистические, коллективистские представления о благодарности. У представителей юного поколения доминируют романтически-благородные представления о благодарности. У представителей взрослого и зрелого возраста романтические представления сменяются реалистичными, хотя представители взрослого населения (19-25 летние) несут остаточные романтические представления, которые окончательно нивелируются к возрасту зрелости. То, что несет с собой подарок - корыстное, эгоистическое или духовно гуманизированное понимание благодарности зависит от направленности личности» [16, с.148]. Установлено, что отношение к подарку отличается и у людей с различной гендерной идентичностью [13]. Смысл подар-

ка может неоднозначно трактоваться дарящим и одариваемым. Известны случаи, когда мужчина тратит много времени на поиск подарка для своей любимой жены. Ему искренне хочется найти нужную, полезную для нее вещь. Его выбор останавливается на дорогом креме от морщин. Однако жена воспринимает такой подарок как намек на то, что она постарела. Итог – семейная ссора. Праздник испорчен.

То, в каких социальных отношениях находятся даритель и одариваемый, имеет большое значение: муж-жена, влюбленные, родитель-ребенок, подчиненный-начальник, друзья, приятели, соседи, малознакомые люди и т.д. Интимные подарки уместны только в кругу очень близких людей. Популярными подарками для друзей являются сладости, канцелярские принадлежности, иногда цветы и косметика. При выборе подарка для родственников, как правило, предпочтение отдается практичным вещам. На первый план выходят не символическое значения, а функциональные качества предмета. Когда уже сложились отношения между людьми, подарок выбирается для создания жизненного комфорта. Смысловая нагрузка таких подарков сводится к выражению заботы о ближнем. По этой же причине среди родственников приняты «подарки на заказ» или деньги. Романтические подарки, такие как цветы, сувениры, напротив, могут обладать минимальной полезностью.

Поверия и традиции также влияют на представления о допустимости того или иного подарка. В нашем обществе не принято дарить ножи, носовые платки, четное количество цветов и т.д., поскольку такие подарки в сознании людей ассоциируются с негативными смыслами (носовой платок – к слезам, нож – к ссоре, четное количество цветов – к смерти и т.д.)

Подарок обязательно несет смысловую нагрузку. Являясь носителем культурных смыслов, подарок используется людьми как особое средство коммуникации. Люди произвольно или непроизвольно стараются передать информацию о характере своих взаимоотношений. Наделенная смыслом вещь способна вызвать ассоциации с определенным человеком, событием, местом, объектом [3].

Исследование символического значения концепта «подарок» в американской и русской лингвокультурах, проведенное Е.Н.Черкасовой показало, что с понятием «дарить» в обе-

их лингвокультурах ассоциируется с понятием «любить» [18, С. 20]. Безделушка, подаренная любимым или близким человеком намного милее любого дорогостоящего подарка. И наоборот, отрицательно оценивается подарок от человека, к которому испытывается антипатия (от того, кто не мил, и подарок постыл). В пословицах отражено негативное отношение к взяточничеству (кто взял - на том один грех, а кто дал - на том сто).

Как уже было отмечено, подарок, помимо смысла, имеет объективное выражение (вещь, деньги и т.д.). Вещи, как и деньги, обладают материальной ценностью. В некоторых ситуациях подарок может выступать как материальная инвестиция в благополучие семьи, коллектива, общества в целом. Люди, заботясь о достатке и процветании близких, как уже было сказано, дарят вполне практичные вещи, нужные «подарки на заказ» или деньги. Российские подарочные традиции связаны с помощью детям, старикам, молодым семьям и т.д. Подарки детям дарятся не только по праздникам. Поводом являются и такие события, как, например, поход в гости. Гость обязательно приносит гостинец. И с гостинцем идут в гости. Праздничные традиции изобилуют подношениями пищи и одежды обездоленным. В свадебных традициях до сих пор прослеживается забота о материальном достатке молодой семьи как источнике продолжения рода. До наших дней сохранились такие обряды, как выкуп невесты, осыпание деньгами молодоженов, денежные гадания на первенца, кража невесты с последующим выкупом (сбором денег с гостей), продажа первого куска свадебного торта, подметание мусора, смешанного с деньгами. Гости с удовольствием дарят самодельные изделия из денежных купюр: ковры, картины, цветы, панно.

В последнее время наблюдается новый виток подъема традиций добровольчества, благотворительности и меценатства. Частные коллекционеры, желая остаться неизвестными, передают музеям в дар ценные артефакты, предметы художественного творчества, произведения изобразительного искусства. «Всем миром» мы помогаем собрать деньги на дорогостоящую операцию больному ребенку.

Резюмируя сказанное можно сделать вывод о том, что подарок является неотъемлемой частью общемировой культуры. Ситуации планирования, конструирования подарка, его дарения, а так же эффект от дарения несут созидательный культуротвор-

ческий потенциал как для отдельных личностей, так и социальных групп и общества в целом. Среди основных потенций подарка можно выделить его благоприятную роль в развитии и реализации индивидуальности и творческих способностей человека и как следствие – в возбуждении положительных чувств (получении удовольствия) как у дарящего, так и одариваемого. Подарок участвует в возникновении и поддержании различных социальных сетей (семья, родственники, друзья, коллеги, знакомые). Процесс дарения чаще всего сопровождается торжественным церемониальным действием или веселой игрой. Подарок, являясь невербальным сообщением, несет значимую смысловую нагрузку. Подарок может являться материальной инвестицией в благополучие человека, семьи, отдельного коллектива и общества в целом. Подарок может являться выражением благодарности, причем семантика такой благодарности может быть вовсе не связана с корыстными намерениями.

В различных общественных сферах, особенно сферах административных, политических, экономических отношений, очень часто словом «подарок» обозначается взятка. К сожалению, преобладающее большинство россиян не может сформулировать различия этих понятий. Тем не менее, взятка принципиально отличается от подарка целями и мотивами. Взятничество наносит огромный, часто непоправимый ущерб жизни, деятельности и репутации человека, общества, государства.

С.И.Ожегов определяет взятку как дачу должностному лицу денежных средств или других материальных ценностей в качестве оплаты противозаконных действий [12, С. 85].

Целенаправленная борьба со взяточничеством в России ведется, по крайней мере, уже нескольких столетий. Стремясь пресечь коррупцию, Петр I издал указ, запрещающий взятки и посулы. Александр I запрещал приношение подарков начальникам губерний и другим чиновникам, Николай I наложил запрет на прием «приношения от общества». К уголовной ответственности привлекались чиновники и гражданские служащие за «мздоимство», понимаемое Уложением о наказаниях от 1845 года как прием денежных, вещевых и других подарков [5].

С разной степенью строгости борьба с коррупцией ведется практически в любой стране мира. В Китае взяточничество даже

карается смертной казнью. Только с 2000 года там было расстреляно более 10 000 чиновников. Более 120 тысяч получили солидные сроки заключения – 10-20 лет лишения свободы [4, С. 246]. Законодательством Российской Федерации за совершение этого правонарушения также предусмотрены солидные штрафы и реальные сроки лишения свободы [17].

Мировой и отечественный опыт показывают, что коррупцию невозможно победить исключительно запретительными и карательными мерами. Необходимо формировать устойчивое негативное отношение граждан ко всем ее проявлениям, научить отличать подарок от «формы подарка», несущей разрушительный потенциал для личности, общества, государства.

Даже весьма скромное и поверхностное рассмотрение феномена подарка в рамках данной главы дает представление о его богатстве и многогранности, уникальности, необходимости для существования культуры. Феномен взятки примитивен и ничтожен, в чем предлагаем убедиться читателю самостоятельно, а именно проанализировать антикультурную направленности взятки, ответив на приведенные ниже вопросы, и сопоставить свои ответы с социально-культурной значимостью подарка для жизни человека и общества.

Вопросы для творческого закрепления материала.

1. В чем, по Вашему мнению, состоят отличия культурных и антикультурных форм жизни и деятельности человека, социальных групп, общества?
2. Можно ли взятку считать культурной формой, почему?
3. Участвует ли взятка в развитии и реализации индивидуальности и творческих способностей личности. Обоснуйте свою позицию.
4. Является ли взятка источником положительных чувств и эмоций у психически здорового человека?
5. Как вы считаете, способна ли взятка играть позитивную роль в возникновении и существовании социальных сетей (групп, сообществ, объединений). Почему?
6. Носит ли дача взятки характер торжественной церемонии или творческой игры?
7. Является ли взятка сообщением со значимой смысловой нагрузкой?

8. Можно ли взятку считать материальной инвестицией в развитие человека и общества?

ЛИТЕРАТУРА

1. Ариарский, М.А. Социально-культурная деятельность как предмет научного осмысления. – Санкт-Петербург : Арт-студия «Концерт», 2008. – 792 с.

2. Аристотель. Риторика // Риторика. Поэтика. – М.: Лабиринт, 2000. С. 5–148.

3. Артемьева, Н. Символическое содержание подарка // Академия подарка. – URL: <http://www.acapod.ru/1283.html> (дата обращения 30.11.2017).

4. Бикеев, И.И. Проблемы отграничения взятки от подарка в России и за рубежом: практика и тенденции // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 1 (25). – С. 245-249.

5. Борисова, Е.В. В чем разница между взяткой и подарком? // Аргументы и факты – URL: <http://www.aif.ru/society/dontknow/11517> (Дата обращения: 30.11.2017).

6. Вязгина, Я.А. Обычный подарок или взятка? // Журнал «Советник юриста». – 2000-2017 Издательству «Дело и сервис». URL: <http://www.s-yu.ru/articles/2010/12/4726.html> (Дата обращения: 30.11.2017).

7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В.И. Даль. - М. : Директ-Медиа, 2014. - 7602 с. // URL: <http://biblioclub.ru> (Дата обращения: 30.11.2017).

8. Иванов, А.В. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения) // А.В. Иванов, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. – 219 с.

9. Ильин, В.И. Подарок как социальный феномен // Академия подарка. – URL: <http://www.acapod.ru/2067.html?printable=Y> (Дата обращения: 30.11.2017).

10. Мосс, М. Очерк о даре феномен // Общество. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц., послесловие и комментарии А. Б. Гофмана. М., "Восточная литература", РАН 1996.

11. Новиков, В.М.. Культура как содержание образования // 2005 - 2017 А.М.Новиков. – URL: http://www.anovikov.ru/artikle/kult_osn.htm (Дата обращения: 30.11.2017).

12. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 7000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – Москва: Рус. яз., 1990. – 921 с.

13. Попова, Л. В., Стефурак, К. Н. Отношение молодежи к подарку в зависимости от их гендерной идентичности феномен // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 13. – С. 4536–4540. // URL: <http://e-koncept.ru/2015/85908.htm> (Дата обращения: 30.11.2017).

14. Попова, Л.В., Стефурак, К.Н. Культурно-исторический анализ феномена подарка и процесса дарения феномен // Современные научные исследования и инновации. - 2013. - № 10. // URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/10/27826> (Дата обращения: 30.11.2017).

15. Российская педагогическая энциклопедия. В 2 т. Т 1. / Гл. ред. В.В. Давыдов. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1993.

16. Smirnov A. V., Obolenskaya A. G., Valiev R. A. The semantic structure of gratitude // Psychology in Russia: State of the Art Volume 9, Issue 2, 2016. – P. 138-148

17. Статья 291 УК РФ. Дача взятки // Новая редакция Уголовного Кодекса Российской Федерации с комментариями к статьям. – URL: <http://ukodeksrf.ru/ch-2/rzd-10/gl-30/st-291-uk-rf> (Дата обращения: 30.11.2017).

18. Черкасова, Е.Н. Символический концепт "подарок" в языковом сознании: на материале американской и русской лингвокультур: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (10.02.19) / Черкасова Елена Николаевна; Астраханский государственный университет. – Астрахань, 2009. – 26 с.

© Ежов П.Ю., 2018

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И КОРРУПЦИЯ

Понятие «антикоррупционная культура» встречается достаточно часто в научных трудах и исследованиях. Как правило, речь идет о формировании антикоррупционной культуры общества, группы или личности. Сегодня же, нам хотелось остановиться на коррупционной и антикоррупционной культуре в организации, подчёркивая роль организационного фактора в данных явлениях. Коррупционное поведение личности (группы) проявляется в конкретной организации, поэтому важно анализировать ее внутреннюю среду, культуру и другие факторы. Культура организации регламентирует поведение сотрудников, направляет их на выбор определенных действий, поступков, она либо позволяет участвовать в коррупционных махинациях, либо активно препятствует, формируя антикоррупционную культуру.

Для начала мы рассмотрим суть данных понятий: «организационная культура», «коррупционная культура» и «антикоррупционная культура».

Существует огромное множество трактовок понятия «организационная культура». Под организационной культурой, А. Занковский, понимает философские и идеологические представления, ценности, убеждения, верования, ожидания, аттитюды и нормы, которые связывают организацию в единое целое и разделяются ее членами. Д. Элдридж и А. Кромби говоря о организационной культуре подчеркивают, что это уникальная совокупность норм, ценностей, убеждений, образцов поведения, которые определяют способ объединения групп и отдельных личностей в организацию для достижения поставленных перед ней целей.

В целом сложилось три подхода в изучении организационной культуры: символический, когнитивный, системный. Символический подход рассматривал организационный символизм, как средство поддержания руководителем идеологии организации и ориентир для сотрудников. Символы имеют смысл тогда, когда члены

организации понимают их значение одинаково, что определяется в первую очередь культурными ценностями. В основе когнитивного подхода лежит коллективное сознание, когнитивные схемы и общая система знаний, верований и правил, определяющих соответствующие формы поведения. Организационная культура - это приобретенные смысловые системы, передаваемые посредством естественного языка и других коммуникативных средств, выполняющих репрезентативные, директивные и аффективные функции и способных создавать культурное пространство и особое ощущение реальности. Системный подход - это целостный подход, в котором изучают объективные свойства организации (ее объем, формальную структуру, стиль руководства, цели и др.) и всевозможные параметры психологической среды (субъективные впечатления, восприятие организации со стороны ее работников, мотивы поведения и др.).

Организационная культура распространяется на- или через три основных уровня: первый уровень - культура индивида - работника организации; второй уровень - культура структурных подразделений, и третий уровень - культура организации.

Выделяют принципы, свойства и элементы организационной культуры. Под принципами организационной культуры понимают такие явления как всеобщая разделяемость норм, правил, ценностей всеми членами; ясность - основные постулаты организационной культуры всем понятны; однозначность и четкость проявляется в единой смысловой поле культуры; априорность; обоснованность предполагает принятие на веру основных постулатов в организации, а также, что культура не должна быть антагонистичной по отношению к личности и ее национальной принадлежности, уважение к личной и национальной культуре.

Соломанидина Т.О. [4] выделяет свойства организационной культуры. Рассматривая организационную культуру как динамичную систему, что она зарождается, развивается прекращает существовать; как системную и структурированную систему, где есть определенные элементы, иерархия их и взаимосвязь; как систему, соотносящую свои цели с целями окружающей среды, другими организационными культурами, выявляя при этом свои слабые и сильные стороны, пересматривая и совершенствуя те или иные параметры; как неоднородную систему, где могут суще-

ствовать одновременно несколько локальных культур. Отдельно можно остановиться на разделяемости ценностей и норм организационной культуры всеми членами организации, так как от этого зависит ее сила воздействия на сотрудников. Способность организационной культуры оставаться устойчивой и противостоять негативным воздействиям с одной стороны, и органично вливаться в положительные изменения, не теряя своей эффективности, с другой стороны связано со свойством адаптивности.

Организационная культура состоит из отдельных элементов, которые между собой взаимосвязаны. Магура М. И. [2] выделяет следующие элементы организационной культуры:

- ценности, установки, приоритеты работников, связанные с их работой в данной организации;
- система отношений, определяющая восприятие работниками своей работы и организации;
- поведенческие нормы, определяющие действия и поведение работников; действия и поведение работников в конкретных ситуациях.

Как мы видим, сущность организационной культуры проявляется в ее принципах, свойствах и взаимосвязи, иерархии структурных элементов. Она помогает сотрудникам организации осуществлять деятельность в рамках закона и норм, утвержденных внутри организации. Каждый сотрудник, совершая действия в организации, оправдывает их словами «у нас так принято», и его действия не будут наказаны или даже как-то выделены из общей деятельности. И наоборот, если его действия игнорируют общую культуру, то коллектив обязательно отметит данное поведение как негативное явление. Очень часто, с точки зрения закона, мы можем не фиксировать признаки коррупционного поведения, но сама организация будет наказывать или наоборот потворствовать камуфлированию коррупции. Организационная культура является сканером нашего поведения, благодаря ей мы контролируем как свое поведение, так и поведение других сотрудников.

В отношении взаимосвязи понятий культура и коррупция выделяют четыре подхода [1] (См. таблицу 1).

Все четыре подхода говорят о коррупции как культурном явлении. Нам интересны все четыре подхода, так как организационная культура включает в себя существующие ценности и нормы

Таблица 1: Подходы в отношении взаимосвязи понятий культура и коррупция

Представитель подхода	Основная мысль	Суть идеи
Р. Клитгаард, создатель формулы коррупции	Коррупция как организационная культура	Определяют культуру коррупции как организационную культуру, характерной чертой которой является циничное отношение к личной собственности и утрата моральных устоев, анализ которой осуществляется с точки зрения воспроизводящих ею базовых ценностей деловых групп. Коррупцию как злоупотребление должностными полномочиями ради личных целей.
Т. Парсонс и Р. Мертон. Структурный функционализм	Коррупцию как временное состояние, дисфункцию в культуре	Коррупция проявляется в ситуации аномии, негативного отношения или равнодушия значительной части сообщества к социальным нормам. Это может быть связано с тем, что в обществе превозносятся символы успеха, предполагающие общедоступность для всего населения в целом, но в реальности действующие нормы и правила ограничивают или полностью устраняют доступ к легальным средствам достижения этих ценностей для значительной части населения
У. Райзман Теория несовместимых норм	Коррупция возникает из-за противоречия норм внутри культуры.	Легитимация коррупционных сетей происходит за счет признания существующих норм несовершенными или несправедливыми. Общество порождает систему мифов о нормах сверхидеалистических и часть социальных групп и подгрупп начинают создавать собственные системы норм, которыми руководствуются в своей практике. В сознании общества подобные альтернативные системы норм воспринимаются как антиобщественные, асоциальные или коррупционные
К.Харт Автор понятия «неформальная экономика».	Коррупции рассматривается как постоянно воспроизводимой культурной традиции.	По его мнению, уровень коррупции зависит от местных обычаев и ценностей определенной страны

в обществе, она адаптирует организацию к внешним условиям. Национальный фактор является одним из приоритетных при формировании культуры организации.

Также для нас важно остановиться на понятии и содержании антикоррупционной культуры и попытаться найти общие закономерные явления, которые будут направлены на изменение коррупционной культуры организации. Насколько возможно внутри организации сформировать данную культуру, возможно ли поддерживать закон и переломить мышление отдельных граждан.

Антикоррупционная культура в противовес коррупционной культуре исследуется как определенные ценностные установки и способности, направленные на проявление активной гражданской позиции относительно коррупции. Прежде всего речь идет о умении отдельной личности противостоять данному воздействию. Так, Хамдеев Р.А., подчеркивает, что антикоррупционная культура – это способность человека сознательно и нравственно противостоять коррупции. Антикоррупционная культура – это система ценностей, лежащая в основе неприятия коррупции как абсолютно несовместимой с данной системой. Антикоррупционная культура – взгляд на мир человеческих отношений сквозь призму нравственного и безнравственного (должного и недолжного, добра и зла, полезного и вредного), правового и неправового, умного и глупого, прекрасного и безобразного. Антикоррупционная культура выражает способность человека противостоять коррупции на основе высокой моральной, правовой, политической и других культур [5].

И. Катков [1] говоря о коррупционной культуре также подчеркивает роль отдельного активного элемента, который способен сформировать субкультуру внутри организации. Также он подробно останавливается на механизмах за счет которых выживает коррупционная субкультура. Выделяет три основных механизма: саморегуляция, самоорганизация, самосохранение, которые включают в себя такие характеристики как гибкость, отсутствие централизованного аппарата, стихийность, социальную мобильность, четкое распределение ролей, и дальнейшее их воспроизводство за счет того, что оно становится культурным концептом.

Основываясь на теории заражения, И. Катков разработал модель формирования коррупционной субкультуры, где ценность одного индивида становится ценностью группы. Распространение

как коррупционных, так и иных ценностей внутри группы, происходит посредством обмена культурными образцами через речь, поведение, одежду, опыт. Обмен культурными образцами происходит неосознанно в процессе приобретения опыта и совершенствования профессиональных навыков. Вместе с этим происходит заражение девиантными ценностями и интеграция индивида в систему коррупционных отношений. В своём развитии коррупционные субкультуры проходят четыре этапа: 1) состояние покоя или инкубационный период; 2) появление внешнего активного девиантного элемента, носителя коррупционных ценностей; 3) распространение коррупционных ценностей среди членов группы; 4) социальное закрепление новых ценностей (коррупционных). Рассмотренные этапы раскрывают процессы распространения коррупционных ценностей в рамках одной группы или коллектива, структурного подразделения (отдела). Однако коррупционная субкультура, являясь особым видом субкультуры, может воздействовать и на другие коллективы и структурные подразделения, способствуя тем самым образованию коррупционной сети [1].

Понимание А. Хамдеевым и И. Катковым роли личности в коррупционной и антикоррупционной культуре, игнорирует роль свойств и принципов организационной культуры. Они полностью возлагают ответственность на отдельный элемент - личность. Действительно, отдельная группа людей, пропагандирующая иную культуру, способна создать противостояние внутри большой группы, коллектива, но здесь возникнет конфликтное взаимодействие и возможно, что основная культура в данной организации трансформируется, но возможно она трансформирует отдельно взятую личность. Культура организации задается сильным лидером, который идентифицируется с культурой профессии и культурой организации, культурой общества и национальными ценностями. Работая с одной личностью, мы можем решить часть проблем, работая с обществом мы решаем другую часть проблем, но мы не должны забывать об специфической внутренней среде организации.

В статье В.П. Соломин приводит результаты опроса населения причин коррупционного поведения: «На основе результатов социологических исследований можно сделать вывод о том, что общество видит два основных источника коррупции: правовую ментальность российских граждан и проблемы в построении систе-

мы государственной власти. 20-24 июня 2013 г. Левада-Центром был проведен соответствующий опрос [3]. Около 22% опрошенных считают, что само общество виновато в широком распространении взяточничества и других проявлений коррупции (*«таковы особенности нашего народа, люди у нас не привыкли жить честно»*). 52% опрошенных обвиняют государство. 18% считают, что коррупция связана с переходным периодом, переживаемым нашим обществом и государством. Похожие результаты показывают опросы других организаций, в частности, правозащитных. Крупные независимые исследования уровня коррупции в России, например, проводились Фондом IDEM (Информатика для демократии). В качестве причин бытовой коррупции граждане называли, в частности: слабое правосознание; слабую юридическую грамотность; отсутствие сильного и справедливого государства; невозможность обратиться за помощью и защитой в правоохранительные органы; дефицит не коррупционных путей решения проблем; противоречивость и трудную выполнимость законодательства; карательный стиль работы контролирующих органов».

Причины, которые отметил В.П. Соломин важны для описания круга государственных проблем в отношении коррупционной культуры, но здесь также отсутствуют внутренние объективные причины организации.

Антикоррупционная культура в организации представляет собой совокупность норм, ценностей, убеждений, образцов поведения внутри организации, которая определяют правовое поведение объединённых групп и отдельных личностей, направленная на противостоянии коррупции как социальному явлению, а также любым формам поведения, напоминающим коррупционное взаимодействия, способная оказывать противостояние активным элементам, навязывающим коррупционное поведение и стремления к снижению коррупционности в тех или иных сферах жизни и деятельности; устойчивую мотивацию к антикоррупционному поведению и т.д.

Основной отличительной особенностью формирования организационной антикоррупционной культуры является ее проработанность на уровне философии и идеологии организации, в жестком контроле, а также в совершенствовании нормативно-правой базы. Антикоррупционная культура должна быть ясной и априорной, разделяемой всеми членами организации.

Антикоррупционная культура организации может быть сформирована за счет четкой, однозначной и ясной нормативно-правовой базы. Руководители и лидерское ядро организации должны демонстрировать приверженность этим нормам, поощрять тех, кто соблюдает эти правила. Воспитывать и прививать антикоррупционную философию и идеологию на этапе адаптации персонала. В символике организации не должно быть намеков на коррупцию. Работа с восприятием норм и ценностей антикоррупционной культуры внутри организации. Формирование устойчивой позиции и мотивов в отношении антикоррупционного поведения.

Механизмы внедрения антикоррупционной культуры в организации:

1. Диагностика и выявление коррупционного мышления и поведения на этапе отбора кадров.
2. Обучающие программы по формированию антикоррупционной философии и идеологии в организации на этапе адаптации.
3. Обучающие программы и повышение квалификации по правовому воспитанию персонала и активной гражданской позиции.
4. Аттестационные мероприятия в виде круглых столов и конференций, кружков качества.
5. Работа с кадровым резервом по принятию антикоррупционной культуры организации, подразделения.
6. Совершенствование системы поощрения и наказания в случае соблюдения или игнорирования антикоррупционной культуры.
7. Высвобождение персонала, в случае нарушении норм и закона.

Хотелось подвести итог и выделить следующее, что мы должны работать одновременно в четырех направлениях:

- индивидуальная культура – правовая культура индивида, где он строит свое поведение в соответствии с правовыми нормами и готов остановить любое правонарушение, связанное с коррупцией;
- культура организации, где она поддерживает и закрепляет правовое поведение отдельного индивида, выступая ориентиром и контролирующей функцией одновременно;
- культура общества, государства, где разрабатываются регламентирующие законы, нормы и правила антикоррупционного поведения;
- национальная культура, где поддерживаются и закрепляются здоровые ценности и установки, традиции, приоритетные в антикоррупционном поведении.

Организация не может существовать вне общества, государства, но внутри нее создается нормативное пространство, и на этом уровне мы способны управлять и формировать антикоррупционную культуру.

Антикоррупционная культура организации будет формироваться под воздействием других культур: культура общества; личная культура индивида; национальная культура. При этом следует отметить, что антикоррупционная культура организации складывается из культуры профессии и собственно антикоррупционной культуры самой организации (принципиальная схема этого процесса представлена на рисунке).

Вопросы для обсуждения:

1. Какие подходы, теории рассматривают взаимосвязь понятий коррупция и культура?
2. Чем отличается антикоррупционная культура личности от антикоррупционной культуры организации?
3. Какие внутренние объективные причины коррупционной культуры выделяют и почему?
4. Как антикоррупционная культура организации может влиять на поведение человека в обществе?

Задания для творческого закрепления материала:

1. Разработать план мероприятий по обучению персонала антикоррупционной философии и идеологии.
2. Разработать формы работы с кадровым резервом по формированию антикоррупционной культуры организации.
3. Составить список немонетарной системы поощрения за антикоррупционную культуру личности в организации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Катков И.. Духовные концепты в исследовании коррупционных субкультур (социокультурный подход) // ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА, 2014, №2 (88) .
2. Магура М. Организационная культура как средство успешной реализации организационных изменений// Управление персоналом, №1, 2002
3. Основы антикоррупционной культуры: учебное пособие /под общей редакцией д. б. н., профессора Б. С. Абдрасилова. – Астана: Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, 2016 – 176 с.
4. Соломанидина Т.О. Организационная культура компании: Учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2013 – 624 с.
5. Солмин В.П. Формирование антикоррупционной культуры как фактор воспитания нетерпимости к коррупции в гражданском обществе //Universum: Вестник Герценовского университета. – 2013. – №4. – С.110-116.
6. Хамдеев А. Р. Педагогическое обеспечение формирования антикоррупционной культуры студентов вуза // Диссертация на соискание канд.пед.наук. Казань, 2015.

© Новикова О.В., 2018

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЭКОНОМИКА КОРРУПЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

«Экономика является хорошим инструментом анализа коррупции. Различия в культуре и мораль дают свои нюансы, но, чтобы понять, где коррупция показывает свое искушение и где особо влияет на человека, нужен общий экономический подход».

А. Пигу

1. Коррупция как институциональный элемент экономической системы

Экономические причины и альтернативные последствия коррупции в для национальной экономики и развития государства в целом, включая недееспособность рыночного механизма, распределение государственных расходов с низкой эффективностью вследствие удлинения цепочки посредников, растраты, неэффективное использование прибыли фирм пущенной не на развитие и расширенное воспроизводство, модернизацию, а на «золотые парашюты» и др.) неразрывно связаны с последствиями социальными (усиление расслоения, угроза социального взрыва, отсутствие материальной базы для стабильного развития, низкая значимость права.

Только ли вред наносит коррупция экономике, почему не удается искоренить этот всюду порицаемый феномен. Вероятно, в том числе в нашем обществе нет резкого неприятия коррупции из-за не всегда явных и скорых ее последствий. Наиболее опасными из всех альтернативных последствий представляются экономический ущерб на всех уровнях и политические издержки

общества, в том числе низкое доверие власти, затруднение выполнения планов и программ по развитию экономических институтов государством. В долгосрочной перспективе может снижаться общий уровень жизни в стране, замедляться экономический рост, сокращаться воспроизводство, поскольку бюджет медленнее наполняется, наращивать расходы на социальную политику и поддержку стратегически значимых отраслей, проектов.

В опубликованных трудах политолога XX века Р. Даля, уже указывается на опасность централизации, сегодня статистические данные нашей большой по территории страны во многих отраслях указывают на усиление централизации, рост концентрации производства и инфраструктуры: так, крупные конгломераты скупают заводы в малых городах, центральный банк сокращает число неустойчивых коммерческих банков в то же время оказывая финансовую поддержку крупнейшим финансовым организациям (Сбербанк, ВТБ, Газпром банка) как основным игрокам финансовой системы страны и гарантов ее устойчивости. Так политический режим создает экономическую ситуацию возможного усиления коррупции в ее разных проявлениях. Поэтому противодействие этому феномену важно для государственной устойчивости, в противном случае оппортунистическое поведение политических конкурентов очерняя политических противников подрывает политическую систему в целом. Регулярные коррупционные сенсации, публикуемые аналитическими агентствами и СМИ могут являться недобросовестной политической конкуренцией. По мнению М.С. Качелина идет процесс перерастания национального антикоррупционного законодательства в глобальный международно-правовой институт (Качелин М.С. 2010) [6].

Современный список стран, борющихся с коррупцией ежегодно публикуемый различными аналитическими организациями показывает, что это явление повсеместно. Все страны несут расходы на противодействие. Однако нет и не может быть единой системы таргетирования коррупции. В каждой стране в соответствии с выявляемой спецификой феномена, историей его становления, динамикой развития, национальных традиций разработка собственные мероприятия по сдерживанию явления. Так американцы не предоставляют должностным лицам неприкосновенность – один из популярных в России 90х инструментов ухода от

ответственности. Также в штатах предприняли известную уловку улучшения статистики для снижения социальной напряженности – легитимизировать часть транзакций, тех что не наносят прямого ущерба, с помощью закона в 1946 году структурировали возможность лобби для его подконтрольности и минимизации ущерба для экономической системы.

В Великобритании применяется упрощенная процедура отмены уже принятых нормативных актов, если в практике применения эти документы административного воздействия оказываются коррупциогенными, что снижает стремление проведения таких законов в парламент.

Многие страны применяют для восстановления доверия электората показательные массовые аресты. Так в Италии этой процедуре подвергли более полутора тысяч служащих и предпринимателей высоких рангов в конце XX века названную «Чистые руки». Это одна из наиболее шумевших антикоррупционных акций, практически во всех странах проводят подобные.

В России сформирован пул нормативных ограничителей этой угрозы национальной безопасности страны. В Федеральном законе «О безопасности» (ФЗ № 390) [3] представлены основные принципы обеспечения безопасности:

- Соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина;
- Законность;
- Системность и комплексность применения органами власти, политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности;
- Приоритет предупредительных мер в целях обеспечения безопасности;
- Взаимодействие органов власти с общественными организациями и гражданами в целях – обеспечения безопасности;
- Демократизм;
- Равенство граждан перед законом и судом;
- Соблюдение взаимной ответственности государства и субъектов (граждан), различных социальных групп, общественных и политических организаций и движений;

- Создание условий, противодействующих коррупции (не-подкупность, открытость, честность государственных служащих, неотвратимость их наказания за коррупцию).

В международном сообществе становится все более активным взаимодействие государств в вопросе противодействия коррупции, в том числе через раскрытие части информации и единые методики аналитики. Однако, зачастую публикация рейтингов стран или организаций является заказным средством приостановки инвестиций, подрывом доверия к экономическим агентам - своеобразная конкурентная борьба.

Наиболее популярным для определения уровня коррупции в стране считается индекс восприятия коррупции, введенный Transparency International (TI). Он составляется при участии независимых экспертов по международным финансам и экспертов-правозащитников. Но у этого подхода есть два серьезных изъяна:

- во-первых, абсолютно независимых экспертов, как известно, не бывает, что влияет на объективность оценок;

- во-вторых, в связи с возрастающей популярностью Transparency International индекс восприятия коррупции все больше влияет на само восприятие. Создается ситуация, описанная в работе «Коррупция и государство: причины, следствия и реформы» (Роуз Аккерман С., 2003): «Когда каждый считает, что все погрязли в коррупции, то разве что святой удержится от дачи взяток» [20]. Общественное мнение становится толерантным к коррупции сначала на бытовом уровне, а затем и к политической коррупции.

Часто используемый индекс восприятия коррупции удобен в использовании, впечатляет цифрами, однако без использования других индикаторов должен быть рассмотрен критично. Поэтому, как правило применяется одновременно **индексом ККЗ**. Индекс назван по фамилиям авторов Кауфман, Крей и Зойдо-Лобатон, которые проводили масштабное исследование в разных странах методом опроса, совместно с Всемирным банком, International Country Risk Guide и др. (Kaufmann, D., Kray, A., Zoido-Lobaton, P., 1999). Участниками исследования стали как собственники бизнеса, так и наемные служащие, а также группа экспертов [23]. Индекс ККЗ точнее предыдущего благодаря широкому охвату стран как локаций полевого исследования, и более широкий выбор источников. Разумеется, этот метод также не лишен недостатков,

он включает больше чем необходимо вопросов для каждой отдельной территории и вопросы неоднородны в каждой стране.

Ведущей проблемой является отсутствие абсолютно эффективных критериев определения уровня коррупции в стране. Для разработки таких необходимо в трансдисциплинарном исследовании выполнить следующий алгоритм действий [8] составлен на основе исследований (Козлов В.А., 2013):

- Изучить историю феномена в каждой конкретной стране для выявления его культурных, средовых и экономических предикторов;
- Обозначить коридор допустимого уровня коррупции по отраслям;
- Исследовать опыт других территорий и возможность его применения в данной социально-экономической среде;

На основе выявленных страновых особенностей разработать международные нормы и мероприятия противодействия:

- а) в первую очередь усиления институтов гражданского общества, формирование правовой грамотности и активности населения;
- б) рассмотрения вопроса реализации позиций по неотвратимости наказания;
- в) проводить многоэтапную независимую экспертизу законопроектов.

Заданные рамки работы позволят глобальной экономике на основе страновых мероприятий повысить социальную и экономическую эффективность противодействия исследуемому явлению. Что возможно при наличии политической воли, системе сдержек и противовесов (Кузовков Ю.В., 2010) [9].

В мировой экономике существуют разные экономические уклады и культуры ведения хозяйства. Соответственно и борьба с коррупцией, расходы на противодействие способы и степень участия глобальных программах строится исходя из национальных особенностей явления.

Следуя национальным интересам и призыву Генерального секретаря ООН Пан Ги Мун на мероприятии, посвященном Международному дню борьбы с коррупцией от 9 декабря 2012 г.: «Коррупция – это не неизбежное явление» главы и администрации государств готовы к совместным усилиям по профилактике, выявлению и противодействию коррупции.

Однако, сегодня сотни государств несут значительные расходы как от самой коррупции, так и расходы на ее профилактику и борьбу. Так Бразилия ведет масштабное мероприятие по выявлению коррупции в верхних эшелонах власти. По данным Anticorrupción Transparencia Brasil (Антикоррупционная прозрачность Бразилии) изучает иски к членам обеих палат, в том числе, за отмывание финансовых средств [24]. Владельцы корпораций и политики осознанно и случайно участвуют в различных формах коррупции, используют различные способы политического воздействия через обвинения оппонентов в коррупционных транзакциях. Так в Бразилии пожертвование 428000 американских долларов от известного лица, не подтвердившего их происхождение на избирательную кампанию одного из кандидатов от Партии Бразильского Демократического Движения (PMDB) в мэрию Сан-Паулу стало основанием для иска и к кандидату, и к самому меценату; существует другой иск за извлечение выгоды от передачи 1 230 000 долларов, потраченных на строительство.

Международный валютный фонд (МВФ), как один ведущих финансовых регуляторов мировой экономики и его глава Кристин Лагард оценивает потери глобальной экономики только от самого известного вида коррупции, взяток, от 1,5 до 2 трлн. долларов, что сопоставимо с 2% мирового ВВП и «представляет собой только верхушку айсберга», безусловно рассчитать возможно только прямые издержки, а косвенные будут гораздо больше. Также Лагард верно отмечает, что альтернативные «долгосрочные последствия идут гораздо глубже» [5], поэтому наиболее малозатратными и эффективными способами предупреждения предлагает считать те, которые основаны на принципах «прозрачности». Иначе растет недоверие к правительствам, что негативно сказывается как на макроэкономическом уровне – снижение поступления инвестиций, так и на внутригосударственной экономике – усиление неравенства, рост коэффициента Джини, снижение уровня и качества жизни. Происходит институционализация этого вида коррупции, если исходить из подходов определения институтов профессором институциональной экономики Е.В. Поповым (Попов Е.В., 2015) [18].

2. Экономические теории в описании феномена коррупции

Геополитические и внутринациональные условия ведения хозяйственной деятельности к 21 веку значительно усложнились, в связи с чем феномен коррупции также претерпел изменения и был вынужден модернизироваться. Научному сообществу потребовалось переосмыслить общетеоретические подходы к экономике этого феномена. Так, в преддверии экономического кризиса 70-80 гг. XX века неинституционалисты доказали, что коррупционная активность и экстраполяция феномена на вновь зарождающиеся отрасли экономики зависит от эффективности государственного регулирования экономических процессов, от наличия ренты от такого регулирования. Например, было показано прямое воздействие монетарной политики множественных валютных курсов, низкий уровень внешнеторговых ограничений, контроль цен, равные возможности входа и функционирования в рынке разных отраслей и организаций, доходы от выполнения должностных обязанностей служащих превышают доходы сотрудников частного сектора [7].

Социально-экономический феномен коррупции нарастает и приобретает все новые формы во всем мире, затраты на затраты на профилактику, выявление и противодействие коррупции растут огромными масштабами и этот процесс сам становится коррупциогенным. Велик соблазн участвовать в расходовании этих сумм. Поэтому сегодня ученые считают, что каждая страна имеет «оптимальный» уровень коррупции, который реально объяснить объективными предпосылками, а значит затраты на противодействие не должны превышать положительного эффекта от снижения коррупционного урона.

В экономической теории обоснованы следующие предпосылки: предрасположенность служащих, имеющих влияние на организацию процессов распределения (через госзаказ и т.п.), искать экономическую и политическую ренту (Оболенская А.Г., Смирнов А.В., Валиев Р.А., 2014) или их социально позитивный подход к исполнению должностных обязанностей; результативность и применимость во всем мире неокейнсианского подхода к роли государства в экономике; фиаско рынка, включая неравно-

мерность распределения, расслоение [16]. Более того для формирования и активного функционирования в совершенно иной глобализированной цифровой экономике новых экономических институтов этот опасный феномен во многом может быть оценен как позитивный ресурс. Однако, при этом устойчивое развитие вновь формируемых экономических институтов коррупция тормозит, что видно в статистике развития отраслей и инфраструктуры, что принимает характер угрозы. Экономическая деструктивность коррупции находит выражение в том, что она препятствует развитию конкуренции, повышает транзакционные издержки товаропроизводителей, дезориентирует систему государственного управления (в частности, бюджетные процедуры), важно не расходовать на противодействие больше, чем можно получить в бюджет в результате ее предотвращения (рис. 1).

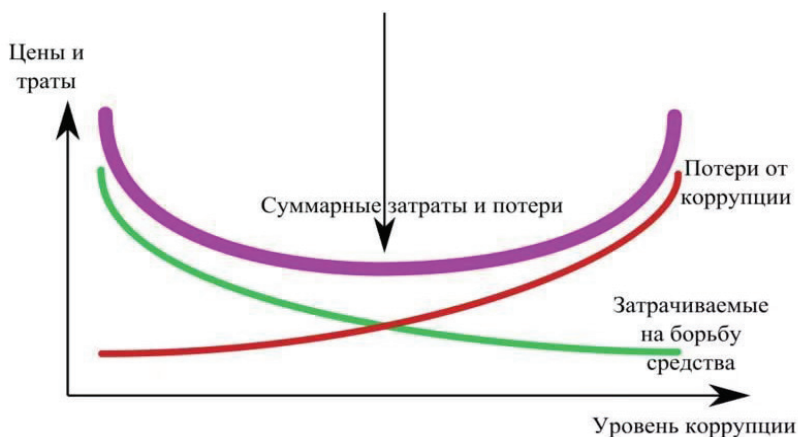

Рисунок 1. Нормальный уровень коррупции [10]

Рассмотрим феномен коррупции с точки зрения институциональной теории. Институционалисты исследуют как общественные институты, включая социальные нормы, обычаи ведения дел, семью, финансовые и другие обязательства, объясняют поведение экономического агента в определенных организационно-технических условиях, в действующих рамках и границах, а также их гибкость в меняющихся условиях.

С одной стороны, общественные трансакции в экономике ограничены институтами, а с другой социальными, часто неформализованными нормами.

Безусловно, нормы и экономические барьеры обязаны пополняться механизмами их реализации в действующих условиях и возможности контроля точности выполнения.

Это конструктивно как для отдельных экономических агентов в целях экономии затрат на принятие управленческих решений и выбора из возможных альтернатив, так и для экономики в целом, для отстрой стратегий развития в целях ускорения экономического роста. Однако, здесь нас подстерегает опасность застревания на процессе соотнесения с введенными правилами и ограничениями вместо оценки результативности.

В неoinституциональной экономической теории в сравнении с неоклассической учитывается гораздо больше ограничителей (рис.2).

Рисунок 2: Неoinституциональные ограничители поведения экономических агентов

Помимо критерия роста маржинальности, экономических ограничителей, подключаются правовые и этические. Включены предпочтения, не всегда рациональные, экономических агентов. Сюда можно отнести:

- экономический интерес, как властное воздействие института собственности на волю экономического агента, мотивация его к активности (с учетом ограничений нормами, будь то правовые нормы или социальные);

- действие закона Йеркса Додсона как обоснование нелинейности связи эффективности экономической транзакции агента с его эмоционально-мотивационным обеспечением. Так исследование финансовых ожиданий и последующих действий респондентов показало низкую опосредованность экономических транзакций рациональными расчетами. Чаще это аффективность, необходимость эмоциональной разрядки или эффекты нерационального поведения, включая бэндвэгон (bandwagon effect, эффект присоединения к большинству), эффект сноба (нежелание следовать большинству), эффект Веблена (присоединение к более высокому статусу).

Зачастую бэндвэгон исследуется как дань моде (реализация эффективного маркетинга), однако в контексте исследования феномена коррупции можно рассмотреть его с точки зрения социальной психологии. При поступлении нового сотрудника в организацию, чтобы быть принятым в этой организационной среде вполне целесообразно присоединяться к большинству. Если в организации нет резкого осуждения коррупционного поведения, или, что опасней есть его поощрение, одобрение – новый сотрудник присоединяется к такому варианту получения вознаграждения.

Также закон может проявляться в виде организационного оппортунизма. Организационный оппортунизм, а часто организационный вандализм (Оболенская А.Г., Симонова И.А., 2018) из-за неудовлетворительного качества трудовой жизни (quality of work life), под которым мы понимаем степень удовлетворения важных личных потребностей в трудовой деятельности в организации) [15].

Рост роли этических ограничителей, казалось бы, должен был привести к сокращению коррупционной активности, однако, этот процесс имеет двоякий результат. Так, в ситуациях, где вопрос выяснения основания расходования денежных активов носит этический характер и основан на обязательности и традиции – контроль снижается, что в соответствии с формулой Клитгаарда и приводит к коррупции, расходованию средств без достаточного на то основания. Так при расходовании средств фонда выплачи-

вающего компенсации жертвам Холокоста регулярно выявляются факты коррупции. Сотрудников привлекают к ответственности и отстраняют, однако следующие функционеры фонда повторяют подобные транзакции. (Симонова И.А., Оболенская А.Г., 2017) [21].

Таблица 1. Систематизация экономических подходов к содержанию понятия коррупции

Концепция	Определение
Рациональный подход (экономика преступности)	Индивид взвешивает все альтернативные издержки и возможные блага нелегальной транзакции и рационально решает идти на нарушение правовой нормы, если ожидаемая полезность подобных действий выше, чем возможные санкции и использование имеющихся активов другими доступными способами
Теория рентоориентированного поведения	Экономическая рента — получение дохода выше среднерыночного при отсутствии влияния монопольных возможностей. Такое поведение предусматривает вмешательство государства и получение искусственно созданной ренты. Под коррупцией понимается форма нелегального рентоориентированного поведения
Институциональный подход	Контрактное взаимодействие экономических агентов с целью злоупотребления позицией ради частных выгод.
Неоинституциональный подход	Коррупция взаимодействие экономических агентов в целях достижения эффективности производственного процесса (положительные экстерналии), системообразующий элемент экономической системы
Модель «принципал-агент»	Коррупция существует благодаря асимметрии информации и высоким издержкам мониторинга за деятельностью агента-служащего

Глава третья: Экономика коррупции: институциональный подход

Концепция	Определение
Теория оппортунистического поведения	Коррупция — частный случай оппортунистического поведения в организации и экономической системе. Р. Коуз в теории фирмы обозначает виды оппортунизма.
Классический либерализм	Коррупция как провал государства и как провал рынка, как «общественное антиблаго», которое наносит ущерб всем членам общества (отрицательные экстерналии).

Составлено по: Бондаренко И. А. 2001, Оболенская А.Г., 2016, 2017, 2018, Полтерович В.М., 2017, Попов Е.В., 2015

Экономический интерес описан практически в каждом из предложенных подходов, однако мы исходим из того, что в экономической системе пятого и шестого экономических укладов происходит размывание института собственности. При этом собственность во всех ее проявлениях по-прежнему оказывает влияние на поведение агентов, равно как и потенциальная возможность получения собственности. Сегодня совокупность прав владения, позвольительных поведенческих отношений, которые происходят между людьми во время использования экономических благ трансформируется. Так, во многих странах физические лица не стремятся владеть собственным жильем, а арендуют его, что дает им свободу и отсутствие бремени собственности, но собственнику экономическую выгоду. Однако именно собственность дает экономическую власть, и игроки, владеющие административным ресурсом, активно используют его для усиления своих позиций и использовании легитимного права на доход от собственности, так называемого права на «капитальную стоимость».

Для получения власти собственности сегодня все чаще применяется реализация монопольного права на распределение экономических активов в силу закона, должностных полномочий, возможностей нормотворчества.

Экономические агенты, по закону Йеркса Додсона мотивированные на получение эффекта от своей экономической активности могут использовать две ведущие стратегии поведения:

- ориентации на извлечение дополнительного дохода и сокращение общих издержек на ведение дел (чаще предприниматели);
- ориентация на получение ренты (коммерциализация власти).

Если в первом случае мы говорим в большей степени о бытовой коррупции, то во втором о реализации монопольного права государства на распределение общественных благ и ресурсов, административных ограничений, легитимизации барьеров входа в отраслевые рынки и деятельности на них. Эта позиция соответствует объяснению необходимой среды рождения коррупционной активности разработанным английскими учеными Клитгаардом, Маклин-Абароа и Пэррисом (Klitgaard, MacLean-Abaroa, Parris): «коррупция – это преступление, в основе которого лежит расчёт, а не страсть. Люди проявляют склонность к коррупции, когда риск невелик, наказание мягкое, а выигрыш очень значителен». Это утверждение выражено в знаменитой формуле, **$K=M+C-O$** , где: K – риск коррупции; M - монополия; C – свобода действий; O – ответственность.

Риск коррупции возникает, если исключительное право, монополия государства или отдельного должностного лица на принятие решения. В качестве сдержек можно использовать обязательность коллективного приятия решений и, общественного обсуждения, согласования с другими общественными институтами.

Риск усиливается при дополнении свободой действий, свободой принятия решения как дескриптивная позиция позволяет широко использовать свои полномочия должностным лицом и в государственных структурах и в коммерческих организациях.

И последняя составляющая - отсутствие или необязательность ответственности, равно как и мягкость наказания - усиливает риски реализации склонности к коррупционному поведению. Не смотря на множественность обращений современных ученых к данной формуле, действующие функционеры исполняющие контролирующую функцию игнорируют позицию минимизации коррупции «неотвратимость наказания». Удачно реализовать ее удалось только в Сингапуре Ли Куань Ю, в его политикой нулевой толерантности и в некоторой степени в Китае с множественностью процессов с применением смертной казни. Гуманное отношение к коррупционерам в других странах позволяет феномену коррупции оставаться резистентным к усилению противодействия и борьбы с ним.

3. Институциональная ловушка

Почему в одних странах динамика по выявленным случаям коррупции явно негативная и постоянно публикуется в открытых источниках, а в других нет публикаций о наличии или росте этого явления? Рассмотрим варианты альтернативных последствий двух подходов (рис.3).

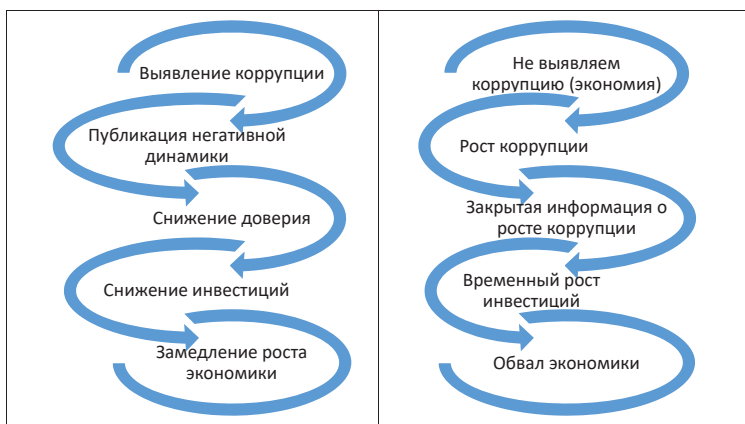

Рисунок 3.: Lock-in effect института коррупции

Таким образом, выявленная нами институциональная ловушка коррупции не позволяет национальным экономикам и в целом мировой экономике выбраться из кризисного состояния с 2008 года на протяжении уже 10 лет. В то время как волновая теория экономических циклов определяет среднюю амплитуду цикла 8-12 лет, это означает что через 4-6 лет после кризиса экономика восстанавливается и выходит на новый виток. Но в современной ситуации перехода ряда стран к VI экономическому укладу, других к V укладу, третьих пытающихся стабилизироваться в IV укладе и цифровизации - многие экономические институты, ранее устойчивые и понятные в применении сегодня не работают как раньше, дают другие эффекты. Не секрет, что постоянно присутствие в новостных лентах описания выявленных случаев повышает ощущение наличия коррупции, что также влияет на рост

Индекса восприятия коррупции. Изменение индекса непременно ведет к изменению доверия к правительству и правовой системе, и как следствие, уровня инвестиций в территорию, а без инвестиций экономический рост в стране замедляется, невозможно строить новационные предприятия и обеспечить опережающее развитие экономики.

Обратный вариант работы – перестать выявлять коррупцию) может помочь сэкономить достаточно серьезные суммы (на борьбу с коррупцией тратится не меньше средств, чем вред от нее. Противодействие коррупции сегодня это уже целая отрасль со своими коррупционными схемами. Непременное понимание безназорности приведет к росту. Но и этот рост не будет опубликован, а единичные случаи будут являться закрытой информацией. Отсутствие негативной динамики по коррупции в стране создает иллюзию замедления ее прироста, что может кратковременно привлечь прямые иностранные инвестиции. Однако все привлекаемые средства попадают в руки лиц, которые понимая выгоду и безнаказанность коррупционных схем, постараются полученные инвестиционные капиталы вывести из легального оборота, не уплатят налогов, не построят новых предприятий, не закупят новационное оборудование в запланированном объеме и должного качества – все эти действия вскоре приведут к неминуемому падению реального сектора экономики.

4. Игровой спред коррупции экономических агентов «non-zero-sum games»

В экономике перехода к эконотронике (Попов Е.В., 2018), как развитию научных представлений об изменениях экономических институтов, отношений между акторами и обществом в фактически цифровой экономике коррупция тоже видоизменяется и выполняет роль буфера между легитимными транзакциями и теневой экономикой [19]. Ученые десятилетиями говорят об этом феномене как «болезни общества»[11]. Исходя из исследования Мельникова (Мельников О.Н., Ларионов В.Г., 2012) коррупция как социальное явление становится опасной, если общественные нормы размываются и этот феномен через соединение с культурой становится допустимым. Также многие авторы указывают на

ведущую коррупционную цель - обогащение, как личное, так и в интересах третьих лиц. Здесь рационализация экономического агента может исходить из так называемой «игры с ненулевой суммой» (non-zero-sum games) - ситуация, в которой общий выигрыш всех участников может быть не равен нулю, а сложится ситуация win-win – оба участника коррупционной транзакции выигрывают в случае сотрудничества: предприниматель получает возможность ведения прибыльного бизнеса, коррупционер от власти получает вознаграждение в чем бы оно ни выражалось. Однако в случае соперничества в такой игре оба проигрывают, например, один из них будет наказан по закону, а второй не «реализует момент», не получит менее затратным путем возможность извлечения дохода. Экономические агенты при выборе из альтернатив решения экономической задачи выбирают эту игру в случае если спрэд (разница в цене) представляет позволяет минимизировать суммарные издержки. Если получение государственной услуги или заказа требует временных и финансовых издержек, имеются серьезные, непреодолимые барьеры для совершения транзакции (нет возможности внести фингарантию), то коррупционный вариант позволяет избежать части издержек и не смотря на риски преследования по закону является экономически более выгодным, чем легальный вариант ведения дел и получения заказа или услуги.

В опросе, проведенном онлайн в предпринимательских группах в декабре 2017 года приняли участи 1027 респондентов из разных регионов России. 78% предпринимателей рассказали о том, что встречали «проявления коррупции», из них 100 встречали фаворитизм и кумовство. Не смотря на сложность определения феномена иначе чем «взятка», в закрытых вопросах многие респонденты узнали такие виды коррупции, с которыми им пришлось столкнуться когда-либо (рис.4.). Участники опроса привели следующие наиболее волнующие их проявления коррупции. К виду фаворитизм мы отнесли те ответы, где встречаются предоставление преимуществ экономическим агентам. Чаще всего это госзакупки, контракт на поставку в коммерческую организацию, частный заказ, конфликт интересов, проверяют своих легче. Лоббизм встречается редко, но респонденты отметили такие ситуации: изменение нормативных и административных документов по своим, продвижение своих фирм.

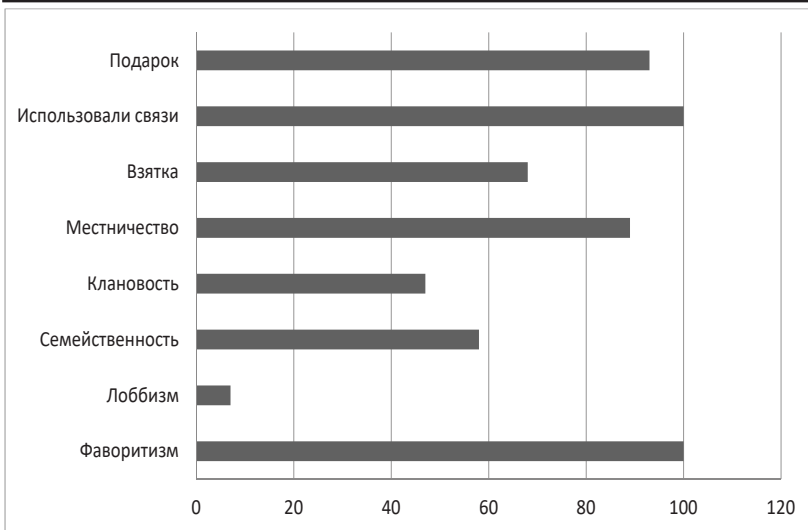

Рисунок 4: Встречаемость коррупции и ее виды по опросу предпринимателей

Семейственность (58%) проявляется в принятии на работу, послаблении в выполнении должностных обязанностей, необязательности применения санкций к родственникам. Клановость (47%) - продвижение «через своих» заказов, продвижение в карьере, постановка на ключевые должности своих людей, знакомых, лояльных сослуживцев и тп. Местничество (89%) высокий показатель по встречаемости ответов сотрудников администраций, фирм, организаций «закон не писан», на местах свои порядки, «я тут царь», «мы так решили». Взятка, не смотря на нормативно закреплённые санкции как административные, так и уголовные 68% отметили, что встречали когда-либо в течение жизни: подкуп, взятка за ускорение дела, взятка чтобы сильно не проверяли, взятка чтобы не выполнять странные нормы (перенести бетонную лестницу, поднять потолки первого этажа в многоэтажном офисном здании). Абсолютно все из ответивших, что когда-либо встречали проявления коррупции отметили, что им приходилось использовать связи чтобы быстрее получить информацию и решить легальный вопрос «без проволочек». Высокий

показатель по вопросу «Подарки» (93%) – как выражение благодарности, подарки к праздникам и мероприятиям.

При этом на открытый вопрос является поздравление, в том числе материальное с днем рождения должностного лица 46% респондентов не считают коррупцией, однако из них 38: не стали бы поздравлять этого человека, если бы он не занимал ответственной должности. Приведенные данные нашего исследования соотносятся с опросом Торгово-промышленной палаты в 2017 году, где определено, что данным феноменом сталкиваются 80% предпринимателей, самая высокая частотность по вопросу «получением разрешений и справок». Также в опросе ТПП есть позитивный тренд: только 13,7% респондентов отметили, что за последний год уровень коррупции увеличился (этот показатель постоянно снижается), 22,2% считают, что он снизился, а 38% — что остался таким же, как и годом ранее.

Выводы

1. Коррупция является институциональным элементом экономической системы.

2. Индексы измерения коррупции в территориях ИТ и ККЗ имеют плюсы и явные недостатки в виде недостаточности оснований для принятия управленческих решений.

3. Таргетирование коррупции должно содержать:

а) в первую очередь усиление институтов гражданского общества, формирование правовой грамотности и активности населения;

б) рассмотрения вопроса реализации позиций по неотвратимости наказания;

в) проводить многоэтапную независимую экспертизу законопроектов.

4. Оптимизация усилий и издержек на противодействие коррупции.

5. Правовое, социальное, экономическое регулирование института собственности и его влияния на волю экономических агентов позволит сдерживать коррупционную активность.

6. Нелинейность связи эффективности экономической трансакции агента с его эмоционально-мотивационным обеспечением (реализация закона Йеркса Додсона), что доказывает необходимость дальнейших исследований предикторов коррупционного поведения.

7. Организация удовлетворительного качества трудовой жизни (quality of work life), служащих и сотрудников корпораций, для нежелания рисковать должностным положением.

8. Усиление коллегиальных решений даже при наличии этических оснований в каждом случае.

Современные нормативные ограничения через административное воздействие, обещание строгих санкций административного и уголовного характера не позволяют противодействовать коррупции с достаточной эффективностью. Необходимо сформировать условия для реализации точки бифуркации, выхода из институциональной ловушки. Для этого важно учитывать рационализацию экономического поведения агентов и возможности нерациональных транзакций. Также в комплекс мер по противодействию коррупции необходимо включать просвещение населения в вопросах правовой, финансовой грамотности, возможностях ведения легального бизнеса, возможностях формирования устойчивости к манипуляциям. Перечисленные мероприятия позволят сделать экономику прозрачной и снизит нагрузку коррупционной активности на легальный сектор экономики, а как следствие повысит экономический рост.

Задания для творческого закрепления материала

1. Ряд экономических теорий описывает коррупционные действия. Приведите пример коррупции описанной в следующих теориях: институциональной и неинституциональной теории, теории системной экономики.

2. Рассчитайте альтернативные последствия взаимозависимой сделки исходя из определения взаимозависимых сделок в НК РФ в контексте институциональной экономики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 03.09.2018).

2. Указ Президента РФ от 29.06.2018 N 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 - 2020 годы».

3. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (ред. от 05.10.2015).

4. Бондаренко И. А., Коррупция: экономический анализ на региональном уровне. Санкт-Петербург, "Петрополис". 2001. с.23-45

5. В МВФ оценили потери мировой экономики от коррупции. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/18/09/2017/59bfead89a794704d063c4f0> Дата обращения: 01.10.2018

6. Качелин М. С. Международно-правовые аспекты борьбы с коррупцией: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.10 - международное право ; европейское право /М. С. Качелин ; Науч. рук. Г. П. Жуков. -М.,2010. -20 с.-Библиогр. с. 18 Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1403547>. Дата обращения 01.10.2018

7. Кирьянов О. Премьер министр Сингапура стал самым высокооплачиваемым лидером в мире. //Российская газета, 07.07.2010. Режим доступа: <https://rg.ru/2010/07/07/singapur-site-anons.html> дата обращения 01.07.2018

8. Козлов В.А. Государственная политика в сфере противодействия коррупции: Международно-правовые аспекты/ В.А. Козлов // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2013. - № 1. - С.6-10.

9. Кузовков Ю.В. Мировая история коррупции М.: Издательство Аним-Пресс, 2010. — 137 с.

10. Латов Ю.В. Коррупция в системе угроз национальной безопасности России // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1 (33). С. 46–53.

11. Мельников О.Н., Ларионов В.Г. Коррупция как фактор экономического сопротивления легальной экономике // Российское предпринимательство. – 2012. – Том 13. – № 13. – С. 4-11.

12. Оболенская А.Г. Национальная безопасность и профилактика коррупции через конвергенцию национальных ценностей. /В сборнике «От истоков к современности» 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции в 5 томах. Ответственный редактор: Богоявленская Д.Б. Москва. Когнито-Центр. 2015. С.288-291.

13. Оболенская А.Г. Переподготовка служащих как условие конструктивной реформы государственного и муниципального управления и реализации национального плана противодействия коррупции. //Педагогическое образование в России. 2014, №10. С.36-41

14. Оболенская А.Г. Экономическая свобода и госрегулирование уровня жизни. /Труды VII Всероссийского симпозиума по экономической теории. Екатеринбург. ИЭ УрО РАН. 2016. С. 37-38
15. Оболенская А.Г., Симонова И.А. Организационный вандализм: понятие, виды, индикаторы //Дискурс. 2018. №2. С.50-57
16. Оболенская А.Г., Смирнов А.В., Валиев Р.А. Современные подходы к организации повышения квалификации и профессиональной переподготовки государственных и муниципальных служащих. //Педагогическое образование в России. 2014, №10. С.15-21
17. Полтерович В.М. Факторы коррупции. //Экономика и математические методы, 2017, №3, с.56
18. Попов Е.В. Институты. - Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2015. - 711 с. Режим доступа: <http://www.prometeus.nsc.ru/acquisitions/16-05-17/cont13.ssi> Дата обращения 01.10.2018
19. Попов Е.В. Econotronics of the digital society. //Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т.19. №3. С.8-17
20. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство: причины, следствия, реформы /Пер. с англ. О.А. Алякринского. - М.: Логос, 2003. - XII, 343 с.
21. Симонова И.А., Оболенская А.Г. Социально-философский анализ экономики исторической ответственности: от признания вины к рынку //Дискурс. 2017. №2. С.10-20
22. Хрипков М. П. Коррупция в органах государственной власти и меры по её преодолению. -М.: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2011. Режим доступа:<https://cyberleninka.ru/article/n/tenevaya-ekonomika-i-korrupsiya-1> Дата обращения 01.10.2018
23. Kaufmann, Daniel, Kray, Aart, & Zoido9Lobaton, Pablo. (1999). Aggregating governance indicators, Policy Research Working Paper 2195. Washington, DC: The World Bank.
24. Transparency International создает в Бразилии центр правовой помощи. Режим доступа: <http://www.fiiapp.org/noticias/brasil-contara-con-un-centro-de-asistencia-anticorrupcion/>. Дата обращения 01.10.2018

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЭМПИРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

КОРРУПЦИОНЕРА

Представленный материал является продолжением ранее начатой работы по изучению феномена коррупционного поведения и индивидуальности коррупционера [7]. Анализ социально - экономического, социально - психологического, культурологического и персонологического направлений в изучении коррупции показал, что коррупция является результатом случайного взаимодействия множества независимых факторов, каждый из которых, так или иначе, участвует в ее формировании, развитии и поддержании. Однако в качестве ведущих факторов выступают личностно - психологические особенности коррупционера и особенности его индивидуальности. Теоретический содержательный анализ известных проявлений аддиктивного и коррупционного поведения, позволил заключить, что проявления коррупционного поведения могут быть идентичны или содержательно близки проявлениям базовых компонентов аддиктивного поведения [5] в структуре индивидуальности человека [7, с.51].

Здесь представлены результаты эмпирического исследования двух гипотез, одна из которых указывает на коррупцию как на аддикцию, вторая говорит об уникальности коррупционной индивидуальности.

1. Инструментарий исследования

В качестве диагностического инструмента в исследовании использовалась проективная психографологическая методика «ГАЛС-2005». По образцам почерка методика позволяет диагностировать широкий спектр особенностей индивидуальности чело-

века и его личности. Подробное описание всех этапов создания, стандартизации, валидизации и полевых испытаний данной методики можно найти в отдельном издании [6], здесь же мы представим только основные данные о возможностях методики, ее валидности и надежности.

1. Диагностика форм социальной адаптации личности;
2. Точная диагностика криминальности личности и склонности к различным формам противоправных деяний;
3. Прогнозирование возможности криминального, асоциально-девиантного, девиантного поведения личности при различных условиях;
4. Определение степени личностной и социальной зрелости;
5. Диагностика характера межличностных отношений;
6. Диагностика специфики интеллектуальной деятельности;
7. Диагностика направленности социальных отношений;
8. Определение благонадежности личности;
9. Диагностика личностной позиции;
10. Диагностика специфики личностной устойчивости;
11. Диагностика способов регуляции поведения;
12. Диагностика характера и форм деловой активности;
13. Выявление манипуляторов;
14. Прогнозирование поведения личности в экстремальных, стрессовых ситуациях;
15. Определение ведущего стиля жизни с возможностью его количественно - качественной оценки по критерию просоциальности;
16. Диагностика мотивации криминальных действий;
17. Диагностика аддиктивных форм поведения;
18. Определение социальной направленности индивидуальности аддикта.

К настоящему времени база данных методики «ГАЛС-2005» составляет 5294 человека. Таблица 1 представляет сведения о эмпирически проверенных сведениях о валидности и надежности методики. Привлекательность данного инструмента для описываемого исследования определяется – объемом информации, простотой обработки, экологической валидностью.

**Таблица 1: Сведения о надежности
и валидности методики «ГАЛС-2005»**

Показатели надежности и валидности методики «ГАЛС-2005»		Значение
1	Надежность	90%
2	Содержательная эмпирическая валидность	89 %
3	Критериальная текущая валидность	89 %
4	Критериальная эмпирическая валидность	90 %
5	Критериальная конкурентная валидность	90 %
6	Критериальная внутренняя валидность	90 %
7	Конструктная факторная валидность	90 %
8	Конструктная содержательная валидность	89 %
9	Конструктная конвергентная валидность	80 %
10	Конструктная дискриминантная валидность	90 %
11	Конструктная внутренняя валидность	89 %
12	Прогностическая валидность	90%
13	Ошибка α	5%
14	Ошибка β	5%

2. Отбор испытуемых, характеристика выборки и распределения данных

Участники исследования прошли диагностику с применением представленной методики – мужчины и женщины в возрасте от 16-65 лет из различных социальных слоев и различных профессий. Общее число участников составило 369 человек.

В результате диагностики и селекции испытуемых по критериям аддиктивного поведения, форм аддиктивного поведения, пола, коррупционного поведения, были получены следующие распределения (см. Таблица 2 и Таблица 3).

Представители группы «Аддикты» являются носителями одной или нескольких следующих аддикций (явление коморбидности) [9]: наркомания, алкоголизм, гэмблинг, адреналиномания, сексуальная аддикция, любовная аддикция, зависимость от лю-

дей и отношений, интернетомания, трудоголия. При этом, в отношении них известно, что они не являются коррупционерами – отсюда и условное название группы «Аддикты не коррупционеры» (**«Аддикты НК»**).

Таблица 2: Группы испытуемых по критериям пола, наличия аддикции, коррумпированности

Группа	Мужчины	Женщины	Всего	Название выборки
Аддикты не коррупционеры	115	94	209	«Аддикты НК»
Коррупционеры с аддикцией	21	11	32	«Коррупционеры – А»
Коррупционеры без аддикций	7	1	8	«Коррупционеры – БА»
Не аддикты не коррупционеры	51	69	120	«Не аддикты НК»
ИТОГО	194	175	369	

Таблица 3: Группы испытуемых по критерию пола и вида аддиктивного поведения (с учетом коморбидности аддикций) из основной группы «Аддикты НК»

Группа	Мужчины	Женщины	Всего
Алкоголики	37	26	63
Наркоманы	20	12	32
Гэмблеры	43	24	67
Адреналиноманы	39	26	65
Сексуальные аддикты	24	17	41
Любовные аддикты	53	32	85
Зависимые от отношений	52	47	99
Интернетоманы	32	36	68
Трудоголики	24	34	58
ИТОГО	324	254	578

Представители групп «Коррупционеры – А» и «Коррупционеры – БА» были привлечены к уголовной ответственности за доказанные коррупционные действия (получение взятки, связанное с использованием служебного положения) по соответствующим статьям УК РФ. Представители группы «Коррупционеры – А» также имеют одну или несколько из указанных выше аддикций. Отсюда и соответствующие условные названия групп: «Коррупционеры с аддикцией» (**«Коррупционеры А»**) и «Коррупционеры без аддикций» (**«Коррупционеры БА»**). Общая группа коррупционеров носит обобщающее название **«Коррупционеры»**

Представители группы «Не аддикты» являются нормативными, просоциально ориентированными личностями без явных девиантных проявлений индивидуальности и поведения и не являются коррумпированными, отсюда и условное название группы «Не аддикты не коррупционеры» (**«Не аддикты НК»**).

Проверка распределения полученных в группах испытуемых данных, по критерию d_{max} Смирнова-Колмогорова показала нормальность распределения данных в диапазоне 95%-98% переменных во всех выборках, что позволяет использовать параметрические критерии для дальнейших расчетов, а также использовать многомерные методы статистического анализа, требующие нормальности распределения данных.

Проверка репрезентативности выборок осуществлялась методом их расщепления по типу «четный-нечетный» с последующей проверкой различий между половинами групп. Статистическая обработка данных по критерию t -Стьюдента показала репрезентативность данных во всех выборках.

3. Выдвинутые и проверяемые эмпирические гипотезы

Гипотеза № 1: На личностно-психологическом уровне индивидуальности между коррупционерами и некоррумпированными аддиктами существуют такие сходства, которые позволяют расценивать коррупционную индивидуальность как разновидность аддиктивной индивидуальности.

Гипотеза № 2: Если коррупционная индивидуальность это аддиктивная индивидуальность, то коррупционеры, на личност-

но-психологическом уровне, должны иметь сходства с представителями таких аддикций, реализация которых, связана с азартом и риском – гэмблерами и адрениалиноманами.

Гипотеза № 3: Если коррупционная индивидуальность это аддиктивная индивидуальность, то на личностно-психологическом уровне между коррупционерами и некоррупцированными не аддиктами, существуют такие отличия, которые схожи с отличиями, обнаруживаемыми между аддиктами не коррупционерами и не аддиктами не коррупционерами.

Гипотеза № 4: Если коррупционная индивидуальность это самостоятельный феномен, то на личностно-психологическом уровне индивидуальности различия между коррупционерами и аддиктами, коррупционерами и не аддиктами, проходят, по критерию «просоциальности - асоциальности».

Гипотеза № 5: Если коррупционная индивидуальность это самостоятельный феномен, то на личностно-психологическом уровне должна выделяться четкая факторная структура индивидуальности коррупционера и в рамках выделенной структуры между коррупционерами и аддиктами не коррупционерами; коррупционерами и не аддиктами не коррупционерами должны присутствовать статистически значимые различия.

4. Дизайн эмпирического исследования

1. Проверка различий по методике «ГАЛС-2005» в группе коррупционеров по критерию аддиктивности, поскольку в общую группу коррупционеров, входят лица, как с аддикциями, так и без аддикций;

2. Проверка различий в результатах диагностики по методике «ГАЛС-2005» в группе коррупционеров по критерию пола;

3. Сравнительный анализ данных диагностики по методике «ГАЛС-2005» коррупционеров и аддиктов не коррупционеров, без учета коморбидности аддикций;

4. Сравнительный анализ данных диагностики по методике «ГАЛС-2005» коррупционеров и аддиктов не коррупционеров - представителей отдельных форм аддиктивного поведения;

5. Сравнительный анализ данных диагностики по методике «ГАЛС-2005» коррупционеров и не аддиктов не коррупционеров,

а также, аддиктов не коррупционеров и не аддиктов не коррупционеров;

6. Получение факторной структуры базовых компонентов коррупционной индивидуальности на личностно-психологическом уровне и ее анализ;

7. Сравнение коррупционеров и аддиктов не коррупционеров в рамках полученной факторной структуры коррупционной индивидуальности;

8. Сравнение коррупционеров и не аддиктов не коррупционеров в рамках полученной факторной структуры коррупционно-го индивидуальности;

9. Определение маркеров коррупционного поведения на основе результатов исследования.

10. Выводы из эмпирического исследования.

5. Этапы эмпирического исследования

5.1. Проверка возможного влияния коррупционеров с аддикцией на результаты исследования всей группы коррупционеров

Данная проверка осуществлялась исходя из предположения о том, что если существует связь с критерием аддиктивности в группе коррупционеров, то это будет оказывать влияние на результаты диагностики и последующие иные закономерности, обнаруживаемые во всей группе коррупционеров.

Проверка связи с внешним критерием производилась с помощью кростабуляционной матрицы с последующей проверкой связей по критерию ϕ – Фишера. Результаты показали отсутствие связи с внешним критерием $\phi=0,20$, при $p<0,23$, хотя согласно критерию углового преобразования Фишера ϕ^* доля лиц с аддикциями в общей группе коррупционеров статистически больше, чем лиц без аддикций $\phi^*=3,22$, при $p<0,001$. Уже на первом этапе обработки данных получают интересные закономерности. Во-первых, отсутствие связи с внешним критерием аддиктивности позволяет не дробить экспериментальную выборку коррупционеров на малочисленные подгруппы, что усиливает надежность получаемых результатов, и экономит ресурсы, поскольку не тре-

бует дополнительных усилий по увеличению выборок. Во-вторых, результаты обозначают тенденцию, в соответствии с которой становится допустимым тезис о том, что коррупционеры могут быть аддиктами, но аддиктивность, возможно, не является ведущим фактором их коррупционного поведения. И хотя результаты обозначают пока лишь тенденцию, дальнейшие расчеты в отношении группы коррупционеров можно производить без учета их аддиктивности.

5.2. Проверка различий в результатах диагностики по критерию пола в общей группе коррупционеров

Производилась с помощью параметрического критерия t – Стьюдента путем сравнения результатов диагностики между мужчинами и женщинами внутри общей группы коррупционеров. Проверка показала полное отсутствие различий по всем 20 основным шкалам методики «ГАЛС-2005». Это позволяет, при дальнейших расчетах, не учитывать критерий пола.

5.3. Сравнительный анализ данных диагностики коррупционеров с аддиктами не коррупционерами, без учета коморбидности аддикций

Проводился с помощью параметрического критерия t – Стьюдента путем сравнения результатов диагностики между общей группой коррупционеров и общей группой «Аддиктов не коррупционеров – «Аддикты НК» по шкалам методики «ГАЛС -2005» (результаты представлены в таблице 4).

Таблица 4: Результаты сравнения данных диагностики по методике «ГАЛС-2005» общей группы коррупционеров («Коррупционеры А», «Коррупционеры БА») и представителей группы «Аддикты НК»

Переменные	«Кор- руп- цио- неры»	«Ад- дик- ты НК»	t	p
Социальная нормативность поведения	5,94	6,16	-0,83	0,41

Глава четвертая: Эмпирическая модель индивидуальности...

Переменные	«Коррупционеры»	«Аддикты НК»	t	p
Социальная раскрепощенность поведения	6,74	5,47	3,83	0,001*
Практицизм	5,71	4,69	3,84	0,001*
Непрактичность	5,47	5,17	1,12	0,26
Позитивные межличностные отношения	8,15	7,53	2,32	0,02*
Негативные межличностные отношения	4,41	4,62	-0,75	0,45
Репродуктивный интеллект	5,06	5,50	-1,50	0,13
Креативный интеллект	6,68	6,30	1,52	0,13
Социальная включенность	5,06	5,53	-1,58	0,11
Социальная оппозиционность	5,50	4,82	1,91	0,06
Надежность	6,65	7,20	-1,91	0,06
Ненадежность	5,59	4,51	3,17	0,001*
Коллективизм	5,50	5,58	-0,39	0,69
Индивидуализм	4,79	4,63	0,81	0,42
Устойчивость	6,35	6,33	0,07	0,95
Неустойчивость	6,38	5,72	2,01	0,05*
Эмоциональная регуляция поведения	7,44	6,02	4,10	0,001*
Рассудочная регуляция поведения	7,47	6,45	3,29	0,001*
Активность	6,21	6,16	0,22	0,82
Пассивность	4,79	4,56	1,30	0,20
Звездочкой * обозначены переменные со статистически значимыми различиями				

В соответствии с Гипотезой № 1 в представленных результатах нас интересуют, прежде всего, именно сходства характеристик представителей сравниваемых групп. Сразу отмечается факт того, что «Коррупционеры» по 65% переменных имеют сходства с «Аддиктами НК» и только в 35% переменных наблюдаются статистически значимые различия. Проанализируем содержательное сходство и различие «Коррупционеров» и «Аддиктов НК» (шкалы методики «ГАЛС-2005» представлены в шкале стэнов, где 5-6 стэнов считаются средненормативными). Заранее оговоримся, что психологическое толкование результатов диагностики по данной

методике производится путем анализа показателей в двух противоположных шкалах, составляющих пространство каждой из областей.

1. Характер социальной адаптации и отношение к социальным нормам (шкалы «Социальная нормативность поведения» и «Социальная раскрепощенность поведения»).

Сходства: У представителей обеих групп отмечается нормальная интериоризация социально-позитивных норм поведения или профессиональной деятельности, которые они стремятся соблюдать в большинстве жизненных и профессиональных ситуаций. Однако, представители обеих групп, склонны к их нарушению в зависимости от требований реальности и ситуации, особенно если отсутствует угроза наказания или обнаружения этого нарушения. Страх перед наказанием у представителей обеих групп при этом отсутствует.

Различия: Следование социальным нормам, ограничениям и вообще любой нормативности «Коррупционерами» в большей степени, чем «Аддиктами НК», расценивается как препятствие на пути к цели. Поэтому у «Коррупционеров» в большей степени, чем у «Аддиктов НК» выражены побуждение и готовность преодолевать даже жесткие социальные запреты, при этом они не испытывают чувства вины. Кроме того, у «Коррупционеров» в большей степени, чем у «Аддиктов НК» выражено стремление к протестному поведению.

2. Личностная зрелость (шкалы «Практицизм» и «Непрактичность»).

Сходства: Жизненные притязания представителей обеих групп отличаются просто-той, даже некоторой «приземленностью», носят обыденный характер. Никто из них не ставит перед собой сложных целей, стремится «жить как все», не проявляя особого рвения и инициативы, в равной степени все стремятся работать только «от и до». У всех отмечается снижение трудовой эффективности при снижении внешнего контроля и избегание ответственности в тех ситуациях, где ее можно избежать, но ее принятие на себя, если избегание невозможно.

Различия: «Коррупционеры» характеризуются определенностью жизненных притязаний – знают конкретно, чего хотят достичь. Проявляют адекватное, рассудочное отношение к ошибкам

и неудачам. Отсутствует наивность и инфантильное отношение к жизни. Проявляют стремление к самостоятельности.

Для «Аддиктов НК», напротив, характерна неопределенность жизненных притязаний, интересов и жизненных целей. Отмечается социальная инертность, пассивно - потребительская, инфантильно иждивенческая позиция по отношению к социуму, причем, как вполне сознательная стратегия социальной адаптации.

3. Характер межличностных отношений (шкалы «Позитивные межличностные отношения» и «Негативные межличностные отношения»).

Сходства: Представители обеих групп демонстрируют стремление развивать только позитивные и бесконфликтные отношения с окружающими. Стремление «всем нравиться». В своем поведении они стремятся к соблюдению социально одобряемых правил и норм межличностного взаимодействия.

Различия: «Аддикты НК» не боятся идти на открытый конфликт. Они проявляют способность конструктивно конфликтовать в отношениях и отстаивать свою точку зрения. У них отмечается естественность и адекватность эмоциональных проявлений в межличностном взаимодействии. Выясняют отношения без страха «выглядесть неприлично», поскольку остаются равнодушными к тем чувствам, которые испытывают к ним другие люди.

У «Коррупционеров» также отмечается безбоязненность и способность к ведению открытых конфликтов, однако, в отличие от «Аддиктов НК», «Коррупционеры» старательно уклоняются от эскалации конфликта, прилагают усилия для его недопущения за счет лицемерия, манипулирования, хитрости, тщательного сокрытия своих истинных намерений от партнера.

4. Специфика интеллектуальной деятельности (шкалы «Репродуктивный интеллект» и «Креативный интеллект»).

Между «Коррупционерами» и «Аддиктами НК» не фиксируется различий в этой области. Представители обеих групп обладают в равной степени хорошо развитыми способностями как к систематизирующей, аналитической деятельности, так и к творческой, наукоёмкой деятельности, креативности.

5. Направленность социальных отношений (шкалы «Социальная включенность» и «Социальная оппозиционность»). Между «Коррупционерами» и «Аддиктами НК» также

не фиксируется различий в этой области. Представители обеих групп показывают нормальную, социально позитивную включенность в систему развитых и поддерживаемых официальных и неофициальных контактов и отношений, различные референтные группы. Способны спокойно переносить одиночество, разрывать и создавать новые отношения.

6. Благонадежность (шкалы «Надежность» и «Ненадежность»).

Сходства: Представители обеих групп стремятся к тому, чтобы их деловое, профессиональное и повседневное поведение не противоречило установленным общественно принятым нормам, правилам поведения и деятельности и не вступало в противоречие с юридическими законами. Однако, не смотря на общую благонадежность, у представителей обеих групп возможны нарушения трудовой дисциплины, своевольность и необязательность, в связи с выраженной склонностью к игнорированию выполнения установленных правил и договоренностей, нарушение которых не рассматривается ими как угроза для своего реноме. Также, возможно перекладывание ответственности на других, уклонение от выполнения поручения.

Различия: В отличие от «Аддиктов НК», у «Коррупционеров» отмечается устойчивое побуждение к внезапному изменению поведения, в зависимости от материальных перспектив или чувства комфорта или дискомфорта.

7. Личностная позиция (шкалы «Коллективизм» и «Индивидуализм»). В этой области между представителями двух групп нет статистически значимых различий. И «Коррупционеры» и «Аддикты НК» проявляют способность сохранять позитивные отношения с окружающими. Уверенность, самодостаточность, личностная автономность. Способность адекватно отстаивать себя, свое мнение или позицию в спорах или конфликтах.

8. Устойчивость (шкалы «Устойчивость» и «Неустойчивость»).

Сходства: Представители обеих групп характеризуются способностью следовать своей позиции в осуществляемом поведении, умением адаптироваться к ситуации.

Различия: Поведение «Коррупционеров» характеризуется большей ситуативной пластичностью, чем у «Аддиктов НК». «Коррупционеры» более способны быстро изменять мнение, на-

мерения, приоритеты ради достижения цели. Их поведение более подвержено случайным стимулам различной модальности.

9. Регуляции поведения (шкалы «Эмоциональная регуляция поведения» и «Рассудочная регуляция поведения»).

У «Аддиктов НК» эмоции и рассудок участвуют в регуляции поведения, комплементарно дополняя друг друга. Эмоции могут сдерживаться в тех ситуациях, где это необходимо, а рассудочный контроль не ведет к подавлению или вытеснению эмоций.

Регулятивная сфера у «Коррупционеров» отражает состояние психофизиологического стресса, поддерживаемого перманентным конфликтом по типу «Тварь я дрожащая или право имею», «Сущее и должное». С одной стороны, проявляется жесткий самоконтроль поведения. «Коррупционеры» показывают маску чувственной холодности, нечувствительность к эмоциональным раздражителям. Проявляется сдержанность, осторожность, рассудочность и расчетливость в поведении, эмоции «держатся в кулаке», проявляется формальность в поведении и тщательное соблюдение социальных дистанций.

С другой стороны, отмечается сдерживаемая импульсивность. «Коррупционер» готов проявить живую непосредственность и свою бурную аффективность. Проявляется склонность к импульсивным действиям, аффективной агрессии в случае ослабления рассудочного контроля.

10. Характер профессиональной деятельности и деловой активности: (шкалы «Активность» и «Пассивность»). В этой области между представителями двух групп нет статистически значимых различий. И «Коррупционеры» и «Аддикты НК» проявляют активность, эффективность, продуктивность деятельности, особенно в отношении достижения целей включенных в личные приоритеты.

Представленный анализ показывает достаточно большую содержательную схожесть личностно-психологических особенностей коррупционеров и аддиктов. При этом, следует отметить, что коррупционеры, в сравнении с аддиктами, выступают более социальными, что собственно и не позволяет однозначно и уверенно поставить знак равенства между коррупционером и аддиктом. Дополнительный анализ показал, что доля социально-негативных характеристик у коррупционеров действительно статистически больше, чем у аддиктов – $\phi^*=1,64$, при $p<0,05$.

Поэтому, мы можем сказать, что Гипотеза № 1 доказана лишь частично, а именно, коррупционеры действительно имеют большой процент схожести личностно - психологических характеристик с аддиктами, однако имеющиеся различия представителей двух групп указывают на большую асоциальность и, одновременно, большую социальную адаптированность коррупционеров по сравнению с аддиктами. Это не позволяет однозначно рассматривать коррупционное поведение как одну из форм аддиктивного поведения и ставить знак равенства между аддиктом и коррупционером, хотя вероятность того, что коррупционер может быть носителем аддикции, остается высокой. Это мнение подкрепляется еще и фактом специфической стратегии социальной включенности в культуру, обнаруженной у аддиктов и подробно описанной в нашей более ранней работе [5, с. 296-303], но не обнаруживаемой у коррупционеров – стратегия социальной самоизоляции и отчуждения от культуры.

5.4. Сравнительный анализ данных диагностики коррупционеров с аддиктами не коррупционерами – представителями отдельных форм аддиктивного поведения

Кросстабуляционный анализ и сопоставление данных диагностики с критерием аддиктивности на выборке коррупционеров, показали сочетанность коррупционного поведения со следующими формами аддиктивного поведения:

- Аддикции от людей и отношений у 41% коррупционеров ($R=0.54$, $p<0.00001$; $\chi^2(df=9)=889$, $p<0.00001$);
- Адреналиномании у 38% коррупционеров ($R=0.52$, $p<0.00001$; $\chi^2(df=9)=889$, $p<0.00001$);
- Любовной аддикции у 36% коррупционеров ($R=0.54$, $p<0.00001$; $\chi^2(df=9)=888$, $p<0.00001$);

В соответствие с Гипотезой № 2 можно предположить, что в качестве возможных форм аддиктивного поведения для коррупционеров выступают именно эти аддикции. Однако, с гипотезой совпадает только предположение об адреналиномании. Зависимость от отношений и любовная аддикция, не укладываются в первоначальные предположения, хотя реализация любовной за-

висимости связана и с азартом, и с риском [5, с.151-164]. Тем не менее, проверим гипотезу посредством сравнения данных диагностики по критерию t-Стьюдента, последовательно сравнивая данные коррупционеров с данными представителей трех аддикций – зависимых от людей и отношений, адреналиноманов, представителей любовной аддикции [5, с. 95-101, 112-126]. Результаты представлены в таблицах 5-7. Поскольку общие закономерности различий коррупционеров и аддиктов повторяются, в интерпретационной части анализа мы ограничимся только краткими комментариями.

Таблица 5: Результаты сравнения данных диагностики по методике «ГАЛС-2005» общей группы коррупционеров («Коррупционеры А», «Коррупционеры БА») и представителей подгруппы «Зависимые от отношений» из группы «Аддикты НК»

Переменные	«Кор- руп- цио- неры»	«За- ви- си- мые от отно- ше- ний»	t	p
Социальная нормативность поведения	5,94	6,54	-2,21	0,029*
Социальная раскрепощенность поведения	6,74	5,20	4,57	0,000*
Практицизм	5,71	4,74	3,71	0,000*
Непрактичность	5,47	5,05	1,43	0,154
Позитивные межличностные отношения	8,15	7,61	2,07	0,040*
Негативные межличностные отношения	4,41	4,29	0,50	0,621
Репродуктивный интеллект	5,06	5,68	-1,86	0,065
Креативный интеллект	6,68	5,99	2,57	0,011*
Социальная включенность	5,06	5,88	-3,22	0,002*
Социальная оппозиционность	5,50	4,37	3,63	0,000*
Надежность	6,65	7,45	-2,85	0,005*

Переменные	«Коррупционеры»	«Зависимые от отношений»	t	p
Ненадежность	5,59	4,12	4,20	0,000*
Коллективизм	5,50	5,67	-0,73	0,466
Индивидуализм	4,79	4,48	1,43	0,154
Устойчивость	6,35	6,64	-0,89	0,377
Неустойчивость	6,38	5,38	2,97	0,004*
Эмоциональная регуляция поведения	7,44	5,68	5,30	0,000*
Рассудочная регуляция поведения	7,47	6,84	2,18	0,031*
Активность	6,21	6,01	0,87	0,384
Пассивность	4,79	4,56	1,16	0,248
Звездочкой * обозначены переменные со статистически значимыми различиями				

1. Характер социальной адаптации и отношение к социальным нормам (шкалы «Социальная нормативность поведения» и «Социальная раскрепощенность поведения»).

По сравнению с «Зависимыми от отношений», «Коррупционеры» в меньшей степени склонны к соблюдению социальных норм, правил, договоренностей и в большей степени склонны к их нарушению.

2. Личностная зрелость (шкалы «Практицизм» и «Непрактичность»). «Коррупционеры», по сравнению с «Зависимыми от отношений», характеризуются большей определенностью жизненных притязаний, более рассудочным и более адекватным отношением к ошибкам и неудачам, большей социальной активностью и самостоятельностью.

3. Характер межличностных отношений (шкалы «Позитивные межличностные отношения» и «Негативные межличностные отношения»). В этой сфере у «Коррупционеров», по сравнению с «Зависимыми от отношений» более выражено стремление уклоняться от эскалации конфликтов.

Отмечается более широкий арсенал средств для недопущения конфликтогенных ситуаций – лицемерие, манипулирование, хитрость, тщательное сокрытие своих истинных намерений от партнера, двойные стандарты.

4. Специфика интеллектуальной деятельности (шкалы «Репродуктивный интеллект» и «Креативный интеллект»).

По сравнению с «Зависимыми от отношений» у «Коррупционеров» отмечается большая развитость креативных способностей. Способность работать в ситуации дефицита информации, ресурсов и времени. У них более выражена стойкость к ситуациям неопределенности. Вместе с тем, у «Коррупционеров» в большей степени, чем у «Зависимых от отношений» рассудочные суждения подвержены эмоциональному влиянию, подчиняются спонтанным эмоциональным импульсам, то есть поведение «Коррупционеров» отличается большей импульсивностью.

5. Направленность социальных отношений (шкалы «Социальная включенность» и «Социальная оппозиционность»).

В этой сфере «Коррупционеров» от «Зависимых от отношений» отличает меньшая степень социальной включенности, меньшее количество социальных связей, наряду с их большей неустойчивостью. Кроме того, «Коррупционеров» отличает и большая выраженность социальной оппозиционности, более выраженная готовность противопоставить себя, свою позицию или взгляды другим людям, иным позициям или взглядам.

6. Благонадежность (шкалы «Надежность» и «Ненадежность»). В этой области «Коррупционеров» отличает от «Зависимых от отношений» повышенный уровень благонадежности и повышенный же уровень неблагонадежности. Одновременно высокие значения по этим шкалам (по сравнению с группой «Зависимых от отношений»), указывают на существование у «Коррупционеров» перманентного конфликта. С одной стороны, отмечается позиция, в соответствии с которой повседневное поведение не должно противоречить установленным общественно принятым нормам, правилам поведения и деятельности и не вступать в противоречие с юридическими законами. С другой стороны, у «Коррупционеров», в отличие от «Зависимых от отношений» всегда присутствует готовность к нарушению любых, в том числе и юридических норм. Также «Коррупционеров» отличает

устойчивое побуждение к внезапному изменению поведения, в зависимости от материальных перспектив или чувства комфорта или дискомфорта.

7. Личностная позиция (шкалы «Коллективизм» и «Индивидуализм»). В этой области между представителями двух групп нет статистически значимых различий. И «Коррупционеры» и «Зависимые от отношений» проявляют уверенность, самодостаточность, личностную автономность, способность отстаивать себя, свое мнение или позицию в спорах или конфликтах.

8. Устойчивость (шкалы «Устойчивость» и «Неустойчивость»). Поведение «Коррупционеров» характеризуется как большей ситуативной пластичностью, так и неустойчивостью по сравнению с «Зависимыми от отношений». «Коррупционеры» способны быстро очень изменять мнение, намерения, приоритеты ради достижения цели. Их поведение более подвержено случайным стимулам различной модальности и оно отличается еще большей импульсивностью даже по сравнению с аддиктами.

9. Регуляции поведения (шкалы «Эмоциональная регуляция поведения» и «Рассудочная регуляция поведения»). По сравнению с «Зависимыми от отношений», регулятивная сфера у «Коррупционеров» отражает состояние психофизиологического стресса, поддерживаемого перманентным конфликтом по типу «Тварь я дрожащая или права имею», «Сущее и должное». С одной стороны, проявляется жесткий самоконтроль поведения. С другой стороны, отмечается сдерживаемая импульсивность, борьба с потерей самоконтроля поведения.

10. Характер профессиональной деятельности и деловой активности: (шкалы «Активность» и «Пассивность»). В этой области между представителями двух групп нет статистически значимых различий. И «Коррупционеры» и «Зависимые от отношений» проявляют активность, эффективность, продуктивность деятельности, особенно в отношении достижения целей включенных в личные приоритеты.

Представленный анализ показывает большее содержательное различие личностно-психологических особенностей коррупционеров и зависимых от отношений аддиктов (различия отмечаются по 60% переменных). При этом, следует отметить, что коррупционеры, в сравнении с ними, выступают более асоциаль-

ными. Дополнительный анализ по критерию углового преобразования Фишера – ϕ показал, что доля социально-негативных характеристик у коррупционеров действительно статистически больше, чем у зависимых от отношений аддиктов – $\phi^*=1,79$, при $p<0,03$. Здесь мы вновь обнаруживаем тенденцию, в соответствии с которой различия между аддиктами и коррупционерами проходит по вектору просоциальности-асоциальности, позицию по отношению к культуре, социо-культурной среде. Эта тенденция проявилась и при сравнении коррупционеров с адренилиноманами.

Таблица 6: Результаты сравнения данных диагностики по методике «ГАЛС-2005» общей группы коррупционеров («Коррупционеры А», «Коррупционеры БА») и представителей подгруппы «Адренилиноманы» из группы «Аддикты НК»

Переменные	«Кор- руп- ци- оне- ры»	«Адре- нали- нома- ны»	t	p
Социальная нормативность поведения	5,94	5,38	2,13	0,035*
Социальная раскрепощенность поведения	6,74	6,37	1,22	0,224
Практицизм	5,71	4,35	4,34	0,000*
Непрактичность	5,47	5,52	-0,17	0,865
Позитивные межличностные отношения	8,15	7,40	2,21	0,030*
Негативные межличностные отношения	4,41	5,02	-1,79	0,077
Репродуктивный интеллект	5,06	4,97	0,28	0,782
Креативный интеллект	6,68	6,80	-0,47	0,640
Социальная включенность	5,06	4,97	0,28	0,780
Социальная оппозиционность	5,50	5,54	-0,10	0,924
Надежность	6,65	6,78	-0,40	0,689
Ненадежность	5,59	5,05	1,32	0,189
Коллективизм	5,50	5,28	0,89	0,375
Индивидуализм	4,79	4,97	-0,76	0,446
Устойчивость	6,35	5,62	2,31	0,023*

Переменные	«Коррупционеры»	«Адреналиноманы»	t	p
Неустойчивость	6,38	6,72	-1,03	0,308
Эмоциональная регуляция поведения	7,44	6,78	1,75	0,084
Рассудочная регуляция поведения	7,47	5,83	4,48	0,000*
Активность	6,21	6,12	0,37	0,712
Пассивность	4,79	4,72	0,36	0,720
Звездочкой * обозначены переменные со статистически значимыми различиями				

1. Характер социальной адаптации и отношение к социальным нормам (шкалы «Социальная нормативность поведения» и «Социальная раскрепощенность поведения»). По сравнению с «Адреналиноманами», «Коррупционеры» в большей степени склонны к соблюдению социальных норм, правил, договоренностей.

2. Личностная зрелость (шкалы «Практицизм» и «Непрактичность»). «Коррупционеры», по сравнению с «Адреналиноманами», характеризуются большей определенностью жизненных притязаний, более рассудочным и более адекватным отношением к ошибкам и неудачам, большей социальной активностью и самостоятельностью.

3. Характер межличностных отношений (шкалы «Позитивные межличностные отношения» и «Негативные межличностные отношения»). В этой сфере у «Коррупционеров», по сравнению с «Адреналиноманами» более выражено стремление уклоняться от эскалации конфликтов. Отмечается более широкий арсенал средств для недопущения конфликтогенных ситуаций – лицемерие, манипулирование, хитрость, тщательное сокрытие своих истинных намерений от партнера, двойные стандарты отношений. «Адреналиноманы» же характеризуются прямой, открытой конфликтностью.

4. Специфика интеллектуальной деятельности (шкалы «Репродуктивный интеллект» и «Креативный интеллект»). В данной области между представителями сравниваемых

групп статистически значимых различий не обнаружено. Представители обеих групп обладают в равной степени хорошо развитыми способностями как к систематизирующей, аналитической деятельности, так и к творческой, наукоёмкой деятельности, креативности.

5. Направленность социальных отношений (шкалы «Социальная включенность» и «Социальная оппозиционность»). Между «Коррупционерами» и «Адреналиноманами» также не фиксируется различий в этой области. Представители обеих групп показывают нормальную, социально позитивную включенность в систему развитых и поддерживаемых официальных и неофициальных контактов и отношений, различные референтные группы. Способны спокойно переносить одиночество, разрывать и создавать новые отношения.

6. Благонадежность (шкалы «Надежность» и «Ненадежность»). При сравнении двух групп не обнаруживается различий, причем на фоне «Адреналиноманов», «Коррупционеры» в этой сфере начинают выглядеть как абсолютно просоциальные граждане. Представители обеих групп стремятся к тому, чтобы их деловое, профессиональное и повседневное поведение не противоречило установленным общественно принятым нормам, правилам поведения и деятельности и не вступало в противоречие с юридическими законами.

7. Личностная позиция (шкалы «Коллективизм» и «Индивидуализм»). В этой области между представителями двух групп нет статистически значимых различий. И «Коррупционеры» и «Адреналиноманы» проявляют способность сохранять позитивные отношения с окружающими. Отмечается уверенность, самодостаточность, личностная автономность, способность отстаивать себя, свое мнение или позицию в спорах или конфликтах.

8. Устойчивость (шкалы «Устойчивость» и «Неустойчивость»). На фоне «Адреналиноманов» поведение «Коррупционеров» характеризуется большей устойчивостью, меньшей подверженностью случайным стимулам различной модальности, меньшей импульсивностью. Другими словами, «Коррупционеры» при сравнении с «Адреналиноманами» в этой сфере выглядят просоциальными и социально нормативными.

9. Регуляции поведения (шкалы «Эмоциональная регуляция поведения» и «Рассудочная регуляция пове-

дения»)). По сравнению с «Адреналиноманами», как и ранее, регулятивная сфера у «Коррупционеров» отражает состояние психофизиологического стресса, поддерживаемого перманентным конфликтом по типу «Тварь я дрожащая или права имею», «Сущее и должное». С одной стороны, проявляется жесткий самоконтроль поведения. С другой стороны, отмечается сдерживаемая импульсивность, борьба с потерей самоконтроля поведения.

10. Характер профессиональной деятельности и деловой активности: (шкалы «Активность» и «Пассивность»)). В этой области между представителями двух групп нет статистически значимых различий. И «Коррупционеры» и «Адреналиноманы» проявляют активность, продуктивность деятельности, особенно в отношении достижения целей включенных в личные приоритеты.

Представленный сравнительный анализ показывает большее содержательное сходство личностно-психологических особенностей коррупционеров и адреналиноманов (сходство отмечается по 75% переменных). При этом, следует отметить, что коррупционеры в сравнении с адреналиноманами, напротив, выступают более просоциальными. Дополнительный анализ по критерию углового преобразования Фишера – ϕ показал, что доля социально-позитивных характеристик у коррупционеров статистически больше, чем у адреналиноманов – $\phi^*=1,68$, при $p<0,04$. Здесь мы вновь, как и ранее, обнаруживаем тенденцию, в соответствии с которой различия между аддиктами и коррупционерами проходит по вектору просоциальности-асоциальности, позицию по отношению к культуре, социо-культурной среде. Эта тенденция проявилась и при сравнении коррупционеров с любовными аддиктами (См. таблицу 7).

1. Характер социальной адаптации и отношение к социальным нормам (шкалы «Социальная нормативность поведения» и «Социальная раскрепощенность поведения»)). По сравнению с «Любовными аддиктами», «Коррупционеры» в большей степени склонны к нарушению социальных норм, правил, договоренностей.

2. Личностная зрелость (шкалы «Практицизм» и «Непрактичность»)). «Коррупционеры», по сравнению с «Любовными аддиктами», характеризуются большей определенностью жизненных притязаний, более рассудочным и более адек-

ватным отношением к ошибкам и неудачам, большей социальной активностью, самостоятельностью.

Таблица 7: Результаты сравнения данных диагностики по методике «ГАЛС-2005» общей группы коррупционеров («Коррупционеры А», «Коррупционеры БА») и представителей подгруппы «Любовные аддикты» из группы «Аддикты НК»

Переменные	«Кор- руп- ци- оне- ры»	«Лю- бов- ные аддик- ты»	t	p
Социальная нормативность поведения	5,94	5,53	1,65	0,102
Социальная раскрепощенность поведения	6,74	6,09	2,21	0,029*
Практицизм	5,71	4,48	4,50	0,000*
Непрактичность	5,47	5,32	0,51	0,611
Позитивные межличностные отношения	8,15	7,32	2,64	0,009*
Негативные межличностные отношения	4,41	5,02	-1,89	0,061
Репродуктивный интеллект	5,06	5,28	-0,74	0,462
Креативный интеллект	6,68	6,47	0,81	0,418
Социальная включенность	5,06	5,15	-0,29	0,770
Социальная оппозиционность	5,50	5,20	0,77	0,444
Надежность	6,65	6,72	-0,21	0,835
Ненадежность	5,59	5,13	1,14	0,257
Коллективизм	5,50	5,29	0,93	0,356
Индивидуализм	4,79	4,96	-0,83	0,409
Устойчивость	6,35	5,86	1,63	0,106
Неустойчивость	6,38	6,20	0,56	0,574
Эмоциональная регуляция поведения	7,44	6,58	2,47	0,015*
Рассудочная регуляция поведения	7,47	5,86	5,04	0,000*
Активность	6,21	6,19	0,08	0,935
Пассивность	4,79	4,54	1,33	0,186
Звездочкой * обозначены переменные со статистически значимыми различиями				

3. Характер межличностных отношений (шкалы «Позитивные межличностные отношения» и «Негативные межличностные отношения»). В этой сфере у «Коррупционеров», по сравнению с «Любовными аддиктами» более выражено стремление уклоняться от эскалации конфликтов. Отмечается более широкий арсенал средств для недопущения конфликтогенных ситуаций – лицемерие, манипулирование, хитрость, тщательное сокрытие своих истинных намерений от партнера. «Любовные аддикты» характеризуются большей конфликтностью, склонностью идти на конфронтацию.

4. Специфика интеллектуальной деятельности (шкалы «Репродуктивный интеллект» и «Креативный интеллект»). В данной области между представителями сравниваемых групп статистически значимых различий не обнаружено. Представители обеих групп обладают в равной степени хорошо развитыми способностями как к систематизирующей, аналитической деятельности, так и к творческой, наукоемкой деятельности, креативности.

5. Направленность социальных отношений (шкалы «Социальная включенность» и «Социальная оппозиционность»). Между «Коррупционерами» и «Любовными аддиктами» также не фиксируется различий в этой области. Представители обеих групп показывают нормальную, социально позитивную включенность в систему развитых и поддерживаемых официальных и неофициальных контактов и отношений, различные референтные группы. Способны спокойно переносить одиночество, разрывать и создавать новые отношения.

6. Благонадежность (шкалы «Надежность» и «Ненадежность»). При сравнении двух групп не обнаруживается различий, причем на фоне «Любовных аддиктов», «Коррупционеры» в этой сфере выглядят как абсолютно просоциальные персонажи. Представители обеих групп стремятся к тому, чтобы их деловое, профессиональное и повседневное поведение не противоречило установленным общественно принятым нормам, правилам поведения и деятельности и не вступало в противоречие с юридическими законами.

7. Личностная позиция (шкалы «Коллективизм» и «Индивидуализм»). В этой области между представителями двух групп нет статистически значимых различий. И «Коррупционеры» и «Любовные аддикты» проявляют способность сохранять

позитивные отношения с окружающими. Отмечается уверенность, самодостаточность, личностная автономность, способность отстаивать себя, свое мнение или позицию в спорах или конфликтах.

8. Устойчивость (шкалы «Устойчивость» и «Неустойчивость»). В этой области между группами не обнаруживается статистически значимых различий. На фоне «Любовных аддиктов» и наоборот, поведение представителей обеих групп характеризуется нормальной устойчивостью. Но в поведении коррупционеров, вновь отмечается большая ситуативная пластичность и гибкость. Мы вновь видим, что на фоне иной критериальной группы «Коррупционеры» в этой сфере выглядят просоциальными и социально нормативными.

9. Регуляции поведения (шкалы «Эмоциональная регуляция поведения» и «Рассудочная регуляция поведения»). По сравнению с «Любовными аддиктами», как и ранее, регулятивная сфера у «Коррупционеров» отражает состояние психофизиологического стресса, поддерживаемого перманентным конфликтом по типу «Тварь я дрожащая или права имею», «Сущее и должное». С одной стороны, проявляется жесткий самоконтроль поведения. С другой стороны, отмечается сдерживаемая импульсивность, борьба с потерей самоконтроля поведения.

10. Характер профессиональной деятельности и деловой активности: (шкалы «Активность» и «Пассивность»). В этой области между представителями двух групп нет статистически значимых различий. И «Коррупционеры» и «Любовные аддикты» проявляют активность, продуктивность деятельности, особенно в отношении достижения целей включенных в личные приоритеты.

Представленный сравнительный анализ вновь показывает большее содержательное сходство личностно-психологических особенностей коррупционеров и любовных аддиктов (сходство отмечается по 75% переменных). При этом, следует отметить, что коррупционеры в сравнении с любовными аддиктами, вновь выступают более асоциальными. Дополнительный анализ по критерию углового преобразования Фишера – ϕ^* показал, что доля социально-негативных характеристик у коррупционеров статистически больше, чем у любовных аддиктов – $\phi^*=1,77$, при $p<0,04$. Здесь мы вновь, как и ранее, обнаруживаем тенденцию,

в соответствии с которой различия между аддиктами и коррупционерами проходит по вектору просоциальности-асоциальности, позицию по отношению к культуре, социо-культурной среде. Однако, почему коррупционеры оказываются более асоциальными по сравнению с аддиктами отношений и любовными аддиктами и более просоциальными по сравнению с адреналиноманами?

Как показали наши ранние исследования феномена аддиктивного поведения [5; 8] Основные различия между видами аддиктивного поведения, проходят по трем критериям:

1. Соблюдение социальных норм и степень социальной включенности аддикта;

2. Характер непосредственных межличностных отношений аддикта;

3. Мотивация аддикции (способ получения удовольствия или избегание неудовольствия).

Эти критерии задают своеобразный континуум просоциальности - асоциальности аддикций, где на его левой стороне, будут находиться максимально социально одобряемые, а на правой стороне, максимально социально опасные аддикции. Это позволяет сгруппировать аддикции в пять условных групп:

1. Социально востребованные – компьютеро – и – интернетомания;

2. Социально одобряемые – зависимость от людей и отношений, трудоголия;

3. Личностно опасные – алкоголизм, гэмблинг, любовная аддикция;

4. Асоциальные – адреналиномания, сексуальная аддикция;

5. Социально опасные – наркомания (см.: [5, с. 276-285; 8, с. 323-331]).

Именно в силу различной степени просоциальности рассмотренных нами аддикций, при сравнении коррупционеров с соответствующими группами аддиктов, мы получаем столь разнящиеся показатели просоциальности коррупционеров. Чем контрастнее, по критерию асоциальности будет группа, сравниваемая с коррупционерами, тем сильнее они будут выглядеть просоциальными. Напротив, чем более просоциальной будет группа, с которой сравниваются коррупционеры, тем асоциальнее будут выглядеть коррупционеры на ее фоне.

Таким образом, подводя итоги проверки Гипотезы № 2, мы можем сказать, что и эта гипотеза подтверждается частично. Конкретизируем наши выводы, обобщив результаты анализа.

1. Коррупционер может, но не обязательно, быть аддиктом;

2. При этом, вероятность коррупционности личности увеличивается, если имеет место какая-либо аддикция - особенно аддикция отношений, адрениалиномания, любовная аддикция;

3. Хотя по личностно - психологическим характеристикам коррупционеры имеют много общего с аддиктами (усредненный показатель содержательной схожести личностно - психологических и поведенческих проявлений коррупционеров и аддиктов составляет 63%) коррупционная индивидуальность может являться вполне самостоятельным феноменом, со своими закономерностями и механизмами активности, саморегуляции, адаптивности, не идентичными закономерностям и механизмам активности, саморегуляции и адаптивности аддиктивной индивидуальности;

4. Одним из аргументов в пользу такого утверждения может выступать достаточно высокий процент содержательных различий коррупционеров и некоррупцированных аддиктов по личностно - психологическим характеристикам – 37% (усредненный показатель);

5. Весомым аргументом в пользу самостоятельности коррупционной индивидуальности выступает обнаруженная закономерность, в соответствии с которой различия между аддиктами и коррупционерами проходит по вектору просоциальности - асоциальности, позиции по отношению к культуре, социо - культурной среде, что подтверждается содержательным и статистическим анализом при сравнении соответствующих групп;

6. Основными сферами, по которым проходят различия рассмотренных аддиктивных групп с группой коррупционеров, являются четыре области:

- соблюдение – нарушение социальных норм;
- степень личностной зрелости;
- характер межличностных отношений;
- способ регуляции поведения (рассудочность – импульсивность).

Эти области как раз фактически и представляют собой активность, управляющие компоненты (саморегуляцию) и адаптивный результат активности коррупционной индивидуальности как системы [5, с. 146-147].

Проверка третьей гипотезы даст нам новые данные в пользу автономности или производности коррупционной индивидуальности от аддиктивной.

5.5. Сравнительный анализ данных диагностики коррупционеров и не аддиктов не коррупционеров; аддиктов не коррупционеров и не аддиктов не коррупционеров

На данном этапе сравнения групп в качестве основной критериальной группы, выступает группа социально нормативных «Не аддиктов». В данном случае нас интересуют содержательные отличия в личностно-психологической сфере у представителей групп «Коррупционеры» и «Аддикты» по сравнению с представителями группы «Не аддикты».

Таблица 8: Результаты сравнения данных диагностики по методике «ГАЛС-2005» общей группы коррупционеров («Коррупционеры А», «Коррупционеры БА») и представителей группы «Не аддикты НК»

Переменные	«Кор- руп- ци- оне- ры»	«Не аддик- ты» НК»	t	p
Социальная нормативность поведения	5,94	7,52	-5,61	0,000*
Социальная раскрепощенность поведения	6,74	3,76	8,56	0,000*
Практицизм	5,71	5,23	1,63	0,104
Непрактичность	5,47	4,55	3,20	0,002*
Позитивные межличностные отношения	8,15	8,40	-0,95	0,345
Негативные межличностные отношения	4,41	3,79	2,24	0,026*
Репродуктивный интеллект	5,06	6,17	-3,80	0,000*
Креативный интеллект	6,68	5,77	3,42	0,001*
Социальная включенность	5,06	6,49	-4,01	0,000*
Социальная оппозиционность	5,50	3,71	4,34	0,000*

Переменные	«Кор- руп- ци- оне- ры»	«Не аддик- ты» НК»	t	p
Надежность	6,65	8,16	-5,93	0,000*
Ненадежность	5,59	3,26	7,31	0,000*
Коллективизм	5,50	6,29	-3,96	0,000*
Индивидуализм	4,79	4,05	3,67	0,000*
Устойчивость	6,35	7,56	-3,59	0,000*
Неустойчивость	6,38	4,22	5,67	0,000*
Эмоциональная регуляция поведения	7,44	4,57	7,81	0,000*
Рассудочная регуляция поведения	7,47	7,37	0,37	0,716
Активность	6,21	6,01	0,82	0,414
Пассивность	4,79	4,51	1,26	0,208
Звездочкой * обозначены переменные со статистически значимыми различиями				

Таблица 9: Результаты сравнения данных диагностики по методике «ГАЛС-2005» общей группы «Аддикты НК» и представителей группы «Не аддикты НК»

Переменные	«Ад- дик- ты НК»	Не аддик- ты НК	t	p
Социальная нормативность поведения	6,16	7,52	7,98	0,000*
Социальная раскрепощенность поведения	5,47	3,76	-8,22	0,000*
Практицизм	4,69	5,23	3,25	0,001*
Непрактичность	5,17	4,55	-3,79	0,000*
Позитивные межличностные отношения	7,53	8,40	5,67	0,000*
Негативные межличностные отношения	4,62	3,79	-5,00	0,000*
Репродуктивный интеллект	5,50	6,17	3,85	0,000*
Креативный интеллект	6,30	5,77	-3,36	0,001*
Социальная включенность	5,53	6,49	4,82	0,000*

Переменные	«Ад- дик- ты НК»	Не аддик- ты НК	t	p
Социальная оппозиционность	4,82	3,71	-4,83	0,000*
Надежность	7,20	8,16	5,69	0,000*
Ненадежность	4,51	3,26	-6,29	0,000*
Коллективизм	5,58	6,29	5,65	0,000*
Индивидуализм	4,63	4,05	-4,58	0,000*
Устойчивость	6,33	7,56	5,79	0,000*
Неустойчивость	5,72	4,22	-6,91	0,000*
Эмоциональная регуляция поведения	6,02	4,57	-6,57	0,000*
Рассудочная регуляция поведения	6,45	7,37	4,88	0,000*
Активность	6,16	6,01	-1,06	0,291
Пассивность	4,56	4,51	-0,37	0,710
Звездочкой * обозначены переменные со статистически значимыми различиями				

1. Характер социальной адаптации и отношение к социальным нормам (шкалы «Социальная нормативность поведения» и «Социальная раскрепощенность поведения»). По сравнению с «Не аддиктами», и «Коррупционеры» и «Аддикты» в меньшей степени склонны к соблюдению социальных норм, правил, договоренностей и в большей степени склонны к их нарушению.

2. Личностная зрелость (шкалы «Практицизм» и «Непрактичность»). «Коррупционеры» и «Не аддикты», по сравнению с «Аддиктами», характеризуются большей определенностью жизненных притязаний, более рассудочным и более адекватным отношением к ошибкам и неудачам, большей социальной активностью и самостоятельностью, большей социальной зрелостью.

Однако, для «Коррупционеров» в большей степени, чем для «Аддиктов» и «Не аддиктов», характерна пассивно - потребительская, инфантильно иждивенческая позиция по отношению к социуму, причем, как вполне сознательная стратегия социальной адаптации.

3. Характер межличностных отношений (шкалы «Позитивные межличностные отношения» и «Негативные межличностные отношения»). Представители всех трех групп демонстрируют стремление развивать только позитивные и бесконфликтные отношения с окружающими. Стремление «всем нравиться». В своем поведении они стремятся к соблюдению социально одобряемых правил и норм межличностного взаимодействия.

Однако, у «Коррупционеров», по сравнению и с «Аддиктами» и «Не аддиктами», более выражено стремление уклоняться от эскалации конфликтов. Отмечается более широкий арсенал средств для недопущения конфликтогенных ситуаций – лицемерие, манипулирование, хитрость, тщательное сокрытие своих истинных намерений от партнера, двойные стандарты.

4. Специфика интеллектуальной деятельности (шкалы «Репродуктивный интеллект» и «Креативный интеллект»). По сравнению с «Не аддиктами», и у «Коррупционеров» и у «Аддиктов» отмечается большая развитость креативных способностей. Способность работать в ситуации дефицита информации, ресурсов и времени, выражена стойкость к ситуациям неопределенности, в большей степени рассудочные суждения подвержены эмоциональному влиянию, подчиняются спонтанным эмоциональным импульсам, то есть поведение и «Коррупционеров» и «Аддиктов» отличается большей импульсивностью, чем у «Не аддиктов».

5. Направленность социальных отношений (шкалы «Социальная включенность» и «Социальная оппозиционность»). В этой сфере и «Коррупционеров» и «Аддиктов» от «Не аддиктов» отличает меньшая степень социальной включенности, меньшее количество социальных связей, наряду с их большей неустойчивостью.

Однако, «Коррупционеров» отличает от «Не аддиктов» большая выраженность социальной оппозиционности, более выраженная готовность противопоставить себя, свою позицию или взгляды другим людям, иным позициям или взглядам.

6. Благонадежность (шкалы «Надежность» и «Ненадежность»). В этой области «Коррупционеров» и «Аддиктов» отличает от «Не аддиктов» пониженный уровень благонадежности и повышенный же уровень неблагонадежности.

При этом у «Коррупционеров» имеет место перманентный конфликт, который не фиксируется у ни у «Аддиктов», ни у «Не аддиктов» - стремление, чтобы повседневное поведение не противоречило установленным общественно принятым и юридическим нормам и постоянная готовность к их нарушению. Также «Коррупционеров» отличает устойчивое побуждение к внезапному изменению поведения, в зависимости от материальных перспектив или чувства комфорта или дискомфорта.

7. Личностная позиция (шкалы «Коллективизм» и «Индивидуализм»). В этой области и «Коррупционеры» и «Аддиктов» от «Не аддиктов» отличает большая способность быть независимыми, более выраженное стремление к достижению собственных эгоистических целей и их приоритет над коллективными.

8. Устойчивость (шкалы «Устойчивость» и «Неустойчивость»). Поведение «Коррупционеров» и «Аддиктов» характеризуется большей неустойчивостью по сравнению с «Не аддиктами». При этом, «Коррупционеры» более способны быстро изменять мнение, намерения, приоритеты ради достижения цели. Их поведение более подвержено случайным стимулам различной модальности и оно отличается еще большей импульсивностью даже по сравнению с «Аддиктами».

9. Регуляции поведения (шкалы «Эмоциональная регуляция поведения» и «Рассудочная регуляция поведения»). По сравнению с «Не Аддиктами» у «Коррупционеров» и «Аддиктов» более выражены нейро-гормональные механизмы регуляции поведения – более выражена импульсивность. Однако, регулятивная сфера у «Коррупционеров» отражает состояние перманентного психофизиологического стресса, который не фиксируется у аддиктов.

10. Характер профессиональной деятельности и деловой активности: (шкалы «Активность» и «Пассивность»). В этой области между представителями трех групп нет статистически значимых различий. Все проявляют активность, эффективность, продуктивность деятельности, особенно в отношении достижения целей включенных в личные приоритеты.

Проведенный анализ, наряду с проведенным ранее сравнением группы «Коррупционеров» и «Аддиктов НК» дал очень интересные результаты. С одной стороны, «Коррупционеры» имеют

статистически значимые и содержательные сходства и различия с «Аддиктами НК». С другой стороны, аналогичная картина складывается и при сравнении «Коррупционеров» с «Не аддиктами НК». Дополнительный математический анализ по критерию углового преобразования Фишера – ϕ позволяет внести ясность в достаточно неопределенное положение «Коррупционеров». Анализ показал, что:

1. Доля содержательных различий превышает долю содержательных сходств коррупционеров с не аддиктами не коррупционерами – $\phi^*=1,65$ при $p<0,05$.

2. Аналогично, доля содержательных различий превышает долю содержательных сходств коррупционеров с аддиктами не коррупционерами – $\phi^*=1,65$ при $p<0,05$.

3. Имеет место статистическая связь с критерием «доли различий» группы коррупционеров с «контрастными» группами – «Аддикты НК» ($\phi=0.45$; $\chi^2(df=1)=8.29$, $p<0.005$); «Не аддикты НК» ($\phi=0.46$; $\chi^2(df=1)=8.31$, $p<0.005$);

4. Кроме того, как уже отмечалось, доля социально-негативных характеристик у коррупционеров действительно статистически больше, чем у аддиктов – $\phi^*=1,64$, при $p<0,05$.

5. Доля социально-негативных характеристик у коррупционеров действительно статистически больше, чем у не аддиктов – $\phi^*=2,78$, при $p<0,002$.

6. Обобщение результатов анализа позволило выделить еще одну интересную закономерность. При сравнении представителей трех групп, различия между коррупционерами и некоррупционированными аддиктами, равно как и коррупционерами и некоррупционированными не аддиктами, устойчиво отмечаются в следующих областях явно завышенными показателями:

- Нарушение норм и границ поведения;
- Нарушение или готовность к нарушению юридических норм и законов;
- Личностная, поведенческая неустойчивость;
- Импульсивность, доминирование эмоциональной регуляции поведения;
- Проявление двойных стандартов в межличностном общении.

Эти особенности также подчеркивают и подтверждают тезис о том, что дифференцирующая граница между представителями трех групп лежит в области просоциальности - асоциальности.

Отсюда можно сделать вывод о том, что частично подтвержденная Гипотеза № 3 указывает на своеобразное «промежуточное» положение коррупционеров между «Аддиктами» и «Не аддиктами». Коррупционеров нельзя однозначно причислить ни к той, ни к другой группе, как и невозможно отрицать определенную схожесть личностно-психологических особенностей коррупционеров и представителей аддиктивной и не аддиктивной страты населения.

Однако, вновь обнаруженные различия по критерию «асоциальность - просоциальность», в соответствии с Гипотезой № 4, указывают на «автономность» коррупционной индивидуальности и указывают на наличие определенных сущностных особенностей коррупционеров, которые можно обнаружить с помощью многомерных методов статистического анализа.

5.6. Факторная структура компонентов коррупционной индивидуальности на личностно-психологическом уровне и ее анализ

Данные диагностики по методике «ГАЛС-2005» по выборке коррупционеров ($n=40$) подверглись процедуре факторного анализа – метод главных компонент, вращение Varimax, нижний порог корреляционной значимости переменных – $r \geq 0,44$ при $p < 0,01$. В результате факторизации была получена простая 6-факторная структура с объясняемой дисперсией в 78%. Помимо дисперсных показателей устойчивости (нижняя граница нормы 51%), устойчивость факторов вычислялась по методу Левандовского [22] и была подтверждена. Структура представлена в Таблице 10.

Первый биполярный фактор – «Паразитарность - Продуктивность» (Габитарный компонент) (18% объясняемой дисперсии). Положительный полюс фактора объединяет такие переменные, которые позволяют судить о доминировании асоциальных тенденций в поведении личности (квотиент социально-негативного поведения [5, с. 279-283]), о степени асоциальности поведения личности (индекс асоциальности поведения [5, с. 280-283]), готовности личности к совершению противоправных деяний (ненадежность), конфликтности в межличностных отношениях, личностной и социальной пассивности.

Таблица 10: Факторная структура коррупционной индивидуальности на личностно-психологическом уровне индивидуальности человека

КОМПОНЕНТЫ	Габитарный	Регуляторный	Интенциональный	Когнитивный	Поведенческий	Диспозиционный
Положительный полюс	Паразитарность	Непроизвольная регуляция поведения	Социальная оппозиционность	Афебризм	Прагматизм (цинизм)	Коллективизм
Отрицательный полюс	Продуктивность		Социальная включенность	Порядочность		Эгоизм
Квотиент социально-негативного поведения	0,81					
Негативные межличностные отношения	0,74					
Ненадежность	0,70					-0,40
Индекс асоциальности поведения	0,69			0,44		
Надежность	-0,77					
Активность	-0,59					0,44
Эмоциональная регуляция поведения		0,81				
Неустойчивость		0,76				
Рассудочная регуляция поведения		0,76				
Индивидуализм		0,74				
Позитивные межличностные отношения	-0,52	0,65				

КОМПОНЕНТЫ	Габитарный	Регуляторный	Интенциональный	Когнитивный	Поведенческий	Диспозиционный
Положительный полюс	Паразитарность	Непроизвольная регуляция поведения	Социальная оппозиционность	Афери́зм	Прагматизм (цинизм)	Коллективизм
Отрицательный полюс	Продуктивность		Социальная включенность	Порядочность		Эгоизм
Социальная нормативность			-0,92			
Социальная включенность			-0,46			
Социальная оппозиционность			0,69			
Социальная раскрепощенность		0,49	0,54			
Репродуктивный интеллект				-0,85		
Квотиент саморегуляции поведения				-0,62		
Креативный интеллект				0,90		
Непрактичность		0,46		0,65		
Устойчивость					0,89	
Практицизм					0,57	
Коллективизм						0,90
Пассивность	0,53					-0,54
Expl.Var	4,22	3,84	2,71	3,25	1,76	2,08
Prp.Totl	0,18	0,17	0,12	0,14	0,08	0,09

Отрицательный полюс охватывает переменные, указывающие на социальную благонадежность личности, в том числе и в отношении соблюдения юридических норм и законов, позитивный характер межличностных отношений, социальную и личностную активность.

Основное противоречие, которое описывает фактор – противоречие между готовностью к фактически паразитической эксплуатации социо-культурной среды и просоциальной, продуктивной включенностью в нее. Здесь можно говорить об изначальной негативистской и позитивистской установке на восприятие социо-культурной среды, восприятию ее либо как чуждого человеку (находящегося вне его) источника эксплуатации, либо как естественной и нормальной для человека среды обитания.

В данном случае, это весьма схоже с социологическими представлениями о габитусе – целостной системе диспозиций восприятия, оценивания, классификации (систематизации) и действий, результате опыта и интериоризации человеком социальных структур, носящей, в конечном итоге, неосознаваемый характер. Как отмечает Н.А. Шматко *«В понятии «габитуса» важно не то, что он может быть представлен в качестве системы диспозиций...а то, что он выполняет роль «посредника» между «социальными отношениями» и «агентом».* Габитус определяется своим происхождением — тем, что он есть интериоризированный ансамбль социальных отношений; а также своим положением в системе производства практик — тем, что он является одновременно результатом интериоризации (объективных) социальных отношений и необходимым субъективным условием практик агентов; отсюда следует, что габитус делает возможным экстериоризацию интериоризированного, т. е. габитус служит порождающим механизмом практик. Таким образом, сущность габитуса заключается в том, что он, во-первых, продукт интериоризации объективных социальных структур и, во-вторых, — необходимое индивидуальное условие их экстериоризации. Габитус необходимая инстанция, опосредующая включение агента в социальные отношения и порождающая практики на основе двуединого процесса интериоризации – экстериоризации....Габитус систематическим образом проявляется во всех практиках агентов, его схемы переносимы из одной сферы в другую. Систематизируя практики агентов, габитус

задает им относительное внутреннее единство, нечто вроде само-согласованности, когерентности, некий стиль» [11].

Применительно к коррупционеру мы можем пояснить это в психологическом контексте в следующих тезисах.

1) Индивидуальные особенности и личный социальный опыт способствуют интериоризации, именно паразитарно - потребительских аттитюдов («Честным трудом богатства не наживешь», «Своруешь колосок – возьмут за пояс, а миллион – похвалят»; «Не пойман - не вор», «Казна на поживу дана», «Кому дана большая власть, тому и можно красть», «У кого власть, тот и живет всласть», «Золотой молоток, все ворота отворит»; «У кого денег мало, у того и ума не бывало» и т.п.);

2) На основе этого формируется и также интериоризируется соответствующая система диспозиций восприятия, оценивания, классификации (систематизации) и действий в рамках культуры – коррупционный габитус;

3) Механизм «Я – идентификации» и «Ты – идентификации» делает возможным экстериоризацию интериоризированного и активирует соответствующее поведение – «Хочу и буду таким», «Хочу и буду там, где власть и деньги» - отсюда и стремление быть включенным в реальные социальные структуры, имеющие отношения к соответствующим ресурсам («Хороший дьяк – что кот в рыбной лавке», «Хлеб сторожить – голодным не быть», «Тем жить – что сторожить»);

4) Габитус создает систему координат в отношениях с культурой, рождает соответствующую практику. Культура, ее паразитарная эксплуатация становится инструментом достижения заветной цели. Негативистское отношение к культуре, паразитическое взаимодействие с ней, становятся формой социального взаимодействия;

5) Культура становится чужой и враждебной (экстернализируется), либо редуцируется до узких интересов конвенциональной группы, поскольку порождается конфликт, обусловленный необходимостью находиться в культуре, на которой, для достижения личных целей, необходимо паразитировать;

6) Для устранения конфликта с культурой нужен «посредник», в качестве которого выступает коррупционное поведение. Такое поведение отвечает содержанию габитуса. Оно не рассма-

тривается коррупционером, как нечто асоциальное, напротив, для коррупционера оно выступает как способ и форма социальной включенности, реализацией его бытийной мощи, социальной значимости и даже воплощением личных усилий для развития культуры («Не подмажешь – не поедешь», «Нынче за так и прыщ не вскочет», «Ты мне, я тебе», «Не корысти ради, а токма пользы для»). Взятка, ее эквиваленты и размеры, становятся мерилom его социальной успешности, статусности, сопричастности социальному, эквивалентом социальной полезности.

7) Коррупционный габитус в силу своей интериоризированности, распространяется на все сферы жизни коррупционера и проявляется в них (Коррупционер на работе – коррупционер везде).

Второй униполярный фактор – «Непроизвольная регуляция поведения» (Регуляторный компонент) (17% объясняемой дисперсии). Пространство фактора заполняют переменные, указывающие на ведомость поведения коррупционеров, его зависимость от различных часто случайных внешних или внутренних стимулов – импульсивность, зависимость поведения от доминирующих в текущий момент эмоций и эмоционального внешнего фона или иных внешних стимулов. Соотношения переменных указывают на ослабленность рассудочного, волевого контроля поведения, достаточность слабой стимуляции для запуска поведения (в том числе коррупционного), регрессивные, инфантильные формы защиты от фрустрирующих ситуаций. Интересно отметить, что в пространстве фактора у коррупционеров, механизмы самоконтроля и сдерживания оказываются подчиненными побуждению к реализации коррупционного поведения, провоцируемого внешними или внутренними стимулами («Страсть сильнее рассудка»). Здесь также важно подчеркнуть, что в силу импульсивности, непроизвольности саморегуляции, зависимости поведения от спонтанных импульсов и стимулов, желание получить взятку, побуждение к участию в коррупционной сделке, приходят к коррупционеру также спонтанно, сиюминутно, импульсивно.

Третий биполярный фактор – «Социальная оппозиционность - Социальная включенность» (Интенциональный компонент) (12% объясняемой дисперсии). Основное противоречие, описываемое в пространстве фактора – социальная направленность (включенность) или оппозиционность. Речь

идет о том, нацелен или не нацелен коррупционер на социальную включенность или он противопоставляет себя культуре. Направленность личности выступает как системообразующее свойство и проявляется во всей системе психических свойств и состояний личности: потребностях, интересах, склонностях, мотивационной сфере, ценностных ориентациях, идеалах, убеждениях, способностях, талантах, характере, воле, интеллектуальных, эмоциональных особенностях [3, с. 310-323]. Именно поэтому данный фактор назван интенциональным компонентом (от лат. *intentio* – ценностное содержание, стремление, едва уловимое намерение, цель).

В картине коррупционного поведения данный фактор описывает борьбу с импульсивными стремлениями к его реализации, а также стремление к сокрытию от окружающих коррупционных намерений, когда культурная среда с ее культурным давлением становится препятствием к свободной реализации коррупционных действий.

В более широком плане фактор объединяет переменные, указывающие на наличие у коррупционеров конфликта между стремлением к социально-позитивной включенности в систему развитых и поддерживаемых официальных и неофициальных контактов и отношений (здесь отрицательный полюс фактора) и, с другой стороны, стремлением находиться в оппозиции к социуму, готовностью противопоставлять себя обществу вплоть до нарушения морально-этических и юридических норм (положительный полюс фактора).

Четвертый биполярный фактор – «Аферизм – Порядочность» (Когнитивный компонент) (14% объясняемой дисперсии). Содержание переменных в пространстве фактора говорит о том, что основное противоречие, которое описывает фактор в самом общем смысле – соблюдение или нарушение социальных норм. Более подробный анализ содержания переменных показывает борьбу между постоянной готовностью к организации, проведению афер, участию в них и необходимостью сдерживать себя, соблюдать социальные, моральные или юридические нормы.

Положительный полюс фактора описывает личность, для которой нормативные ценности, правила поведения воспринимаются как «тяжкие оковы», а их соблюдение расценивается как

«потеря свободы». Поэтому проявляется стремление игнорировать или нарушать их. Личность не желает или не может прилагать усилий для сдерживания своих побуждений. Стремится к немедленному исполнению всех своих устремлений и желаний. Не терпят никаких ограничений, при этом, интересы других людей игнорируются. Здесь может идти речь об индивидах готовых, ради удовлетворения своих потребностей, идти на любые правонарушения. Для этой категории населения социо-культурная среда, социум выступает как преграда к безграничному наслаждению и паразитированию.

Отрицательный полюс фактора описывает личность, поведение которой характеризуется хорошо развитым и произвольным самоконтролем. Личность способна управлять своими эмоциями и действиями, способна противостоять спонтанным внешним и внутренним импульсам, сдерживать их. Вести себя адекватно обстоятельствам или социальной ситуации, соблюдать нормы во всем, то есть быть порядочной.

Пятый униполярный фактор – «Прагматизм» (цинизм) (Поведенческий компонент) (8% объясняемой дисперсии). Переменные в пространстве фактора указывают нам следующие особенности коррупционеров. Отмечается чрезмерно прагматичная, а иногда и циничная жизненная позиция. Присутствует деформация ценностных ориентаций личности – акцент на стремлении обладать объектами материального могущества и исключительно высоким социальным статусом. Социальные связи рассматриваются только с точки зрения прагматической полезности. Достижение своих целей осуществляется «чужими руками», путем различных манипуляций.

Отмечается жесткое следование своей позиции и интересам в осуществляемом поведении. Упрямство, консерватизм, поведенческая ригидность. Неподверженность чужому влиянию.

В своей крайней форме подобное поведение приобретает характер циничного поведения и циничной позиции по отношению к культуре. Проявляется откровенно пренебрежительное отношение к социальным нормам - морали, культурным ценностям, представлениям о нравственности, официальной идеологии, юридическим законам. Социальные, этико-моральные нормы и ценности воспринимаются как препятствие на пути достижения

прагматичных личных целей. При этом циничная позиция задаёт установку на редуцирование, упрощение, девальвацию любых, в том числе и своих собственных, мотивов и ценностей, которые выходят за пределы личных прагматичных интересов.

Шестой биполярный фактор – «Коллективизм – Эгоизм» (Диспозиционный компонент) (9% объясняемой дисперсии). Противоречие, которое охватывает данный фактор – борьба диспозиций, отражающих, либо приоритетную личную значимость коллективистских (групповых), либо личных эгоистических интересов.

Положительный полюс фактора описывает такие коллективистские характеристики, как: зависимость от группы; ориентация в поведении на мнение группы; потребность в поддержке и одобрении со стороны группы; уступчивость и покладистость; устойчивость к фрустрации, возникающей в межличностном взаимодействии, терпимость к недостаткам других; чувство бытийного могущества в силу принадлежности к группе; деятельностная активность и чувство сопричастности общему делу. Нельзя однозначно отрицать, что коррупционер может быть коллективистом и выражать ценности коллективизма, однако, применительно к коррупционерам, коллективистские диспозиции могут отражать и позицию по отношению к группе людей, состоящих в коррупционном сговоре, участвующие в реализации коррупционной схемы (сети), афере, участником которой является сам коррупционер.

Отрицательный полюс фактора объединяет и описывает такие характеристики: деловое, профессиональное и повседневное поведение личности вступает в противоречие с установленными общественно принятыми нормами, правилами поведения и деятельности и с юридическими законами; несоблюдение норм, правил и договоренностей; социальная и личностная пассивность; инфантильно-иждивенческой позиция по отношению к социуму.

Обобщение результатов анализа позволяет сделать некоторые выводы:

1. Мы вновь обнаруживаем содержательную специфику коррупционной индивидуальности, границы которой проходят по критерию «Просоциальность – Асоциальность», что наиболее отчетливо проявляется в таких областях как:

- Соблюдение – нарушение границ и норм поведения;

- Соблюдение – нарушение юридических норм и законов;
- Личностная зрелость;
- Специфика межличностных отношений;
- Личностная и поведенческая неустойчивость;
- Специфика саморегуляции поведения.

2. В рамках выделенной структуры, факторы и их полюса также дифференцируются по критерию «Просоциальность – Асоциальность» и могут выступать как критерии просоциальности – асоциальности проявлений конкретной индивидуальности, поскольку могут быть выражены в числовой форме;

3. В рамках выделенной структуры мы действительно можем обнаружить признаки системы, о чем говорили ранее. Так, габитарный и поведенческий компоненты структуры мы можем рассматривать как описывающие активность коррупционной индивидуальности как системы. Регуляторный и когнитивный компоненты структуры как управляющие компоненты коррупционной индивидуальности, как системы, компоненты ее саморегуляции. Интенциональный и диспозиционный компоненты структуры, как компоненты, показывающие адаптационный результат коррупционной индивидуальности, как системы.

Однако, чтобы окончательно убедиться в «автономности» коррупционной индивидуальности, отсутствии ее производности от аддиктивной или неаддиктивной индивидуальности, необходимо сравнение коррупционеров с аддиктами не коррупционерами и коррупционеров с не аддиктами не коррупционерами в рамках выделенной структуры. Статистические различия окончательно подтвердят Гипотезу № 4 и доказывают Гипотезу № 5.

5.7. Сравнение коррупционеров и аддиктов не коррупционеров в рамках полученной факторной структуры коррупционного поведения

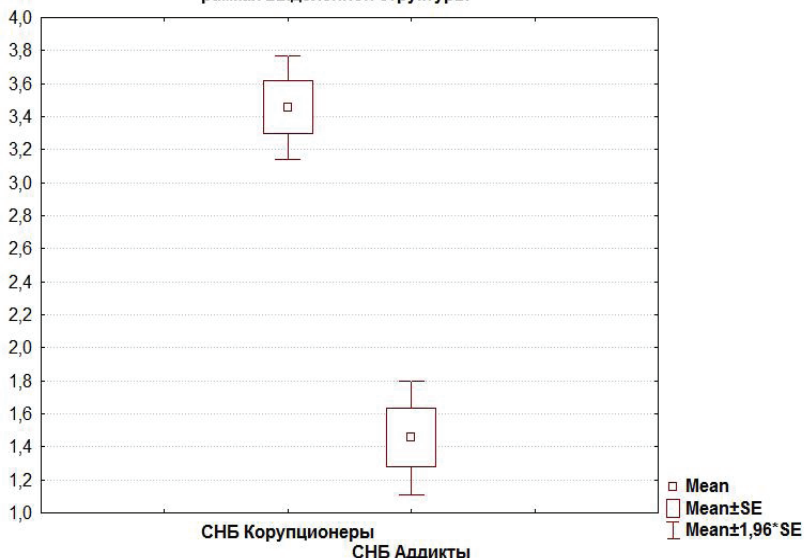
Для проведения сравнения, была избрана процедура сравнения по критерию t – Стьюдента, индивидуальных факторных оценок (значений каждого фактора для каждого испытуемого) [4, с. 272], которые были получены ранее при формировании факторной структуры коррупционной индивидуальности. Аналогичным образом, по соответствующим формулам [4, с. 242, 267, 272]

с использованием полученной факторной модели коррупционной индивидуальности, были получены индивидуальные факторные оценки представителей групп «Аддикты НК» и «Не аддикты НК». Отметим, что для повышения надежности и валидности результатов, представители «Аддикты НК» и «Не аддикты НК» выбирались случайным образом с использованием генератора случайных чисел из уже имеющихся выборок. Сравнение факторных оценок позволило, с одной стороны, определить сравнительную количественную выраженность того или иного компонента, с другой стороны, определить выраженность того или иного полюса факторов в факторной структуре у представителей всех трех групп.

На первом шаге сравнения вычислялись суммарные показатели асоциальности у представителей групп «Коррупционеры» и «Аддикты НК» в рамках полученной факторной структуры. Каждый из шести факторов структуры содержательно имеет явный просоциальный и асоциальный полюс. Индивидуальные факторные оценки каждого испытуемого по каждому фактору также имеют положительные и отрицательные значения, то есть, связаны с просоциальными или асоциальными полюсами факторной структуры. Определяя суммы просоциальных и асоциальных значений каждого фактора у каждого испытуемого, мы получаем, фактически, число социально-негативных (СНБ) и социально-позитивных индивидуальных баллов, которые набрал каждый испытуемый в рамках данной структуры, причем за этими баллами стоят вполне определенные поведенческие проявления. Эти показатели уже могут быть основанием для вычисления степени готовности к коррупционному поведению. Вычисление доверительных интервалов с учетом ошибки среднего на уровне 95% позволило определить испытуемых, имеющих завышенные, средние - нормативные и заниженные показатели по асоциальным проявлениям коррупционной индивидуальности. Сравнение суммарных показателей по асоциальным проявлениям индивидуальности (СНБ) у представителей групп «Коррупционеры» и «Аддикты НК» по критерию t – Стьюдента показало наличие статистических различий между представителями групп: «Коррупционеры»: $M=3,45$ ($Conf. Int.=3,14 \div 3,77$); «Аддикты НК»: $M=1,46$, ($Conf. Int.=1,11 \div 1,80$); $t=8,71$, при $p<0,000001$. Доверительные интервалы не перекрываются (см. рис. 1).

Рис. 1: Различия суммарных социально-негативных баллов проявлений индивидуальности коррупционеров и не коррумпированных аддиктов в рамках выделенной структуры

Таким образом, по суммарным показателям асоциальных проявлений коррупционной индивидуальности в рамках выделенной структуры, коррупционеры статистически значимо отличаются от аддиктов не коррупционеров. Кроме того, установлено, что чем больше в поведении личности проявляется асоциальных проявлений, тем вероятнее прогнозируется коррупционное поведение. В данном случае мы можем говорить о вероятности коррупционного поведения, если насчитывается три и более проявлений (≥ 3). Важно отметить, что некоррумпированный аддикт не может набрать в рамках структуры более двух асоциальных проявлений (≤ 2).

На втором шаге сравнения определялись статистические и качественные различия между коррупционерами и аддиктами не коррупционерами уже в пространстве факторов.

Результаты показывают нам, что в пространстве полученной факторной структуры можно выделить своеобразный психологический симптомокомплекс коррупционеров (см. табл. 11 и 12).

Таблица 11: Различия, вычисленные по индивидуальным факторным оценкам, в рамках полученной факторной структуры коррупционной индивидуальности между коррупционерами и аддиктами не коррупционерами

Компоненты	«Коррупционеры»	«Аддикты НК»	t	p
Габитарный	0,11	-0,39	1,97	0,05*
Регуляторный	0,15	-0,63	4,32	0,0001*
Интенциональный	0,16	-0,77	4,61	0,00001*
Когнитивный	0,15	-0,65	3,45	0,001*
Поведенческий	0,07	-0,05	0,61	0,55
Диспозиционный	-0,24	0,35	-2,71	0,0085*
Звездочкой * обозначены переменные со статистически значимыми различиями				

Таблица 12: Психологические симптомокомплексы коррупционеров и некорруппированных аддиктов, выделенные при их сравнении в рамках полученной факторной структуры

Компоненты	«Коррупционеры»	«Аддикты НК»
Габитарный	Паразитарность	Социальная продуктивность
Регуляторный	Непроизвольная регуляция	Произвольная регуляция
Интенциональный	Социальная оппозиционность	Социальная включенность
Когнитивный	Аферизм	Порядочность
Поведенческий	Прагматизм	Инфантильность
Диспозиционный	Эгоизм	Коллективизм

- В Габитарном компоненте «Коррупционеры» занимают паразитарную позицию по отношению к социуму, в то время как «Аддикты НК» занимают продуктивную просоциальную позицию;

- В Регуляторном компоненте у «Коррупционеров» проявляется только непроизвольная регуляция поведения – импульсивность, зависимость поведения от случайных внешних и вну-

тренних импульсов и стимулов. В то время как, «Аддикты НК» в большей степени, по сравнению с коррупционерами, могут проявлять рассудочную, произвольную регуляцию поведения;

- В Интенциональном компоненте «Коррупционеры» проявляют себя как явно социально оппозиционными, в то время как «Аддикты НК» занимают социально включенную позицию по отношению к социуму и культуре;

- В Когнитивном компоненте «Коррупционеры», по сравнению с «Аддиктами НК» проявляют себя как явные аферисты и мошенники. Аддикты на их фоне, выступают как соблюдающие социальные, морально-этические правила и юридические законы.

- В Поведенческом компоненте между представителями двух групп нет статистических различий, но есть качественные – «Коррупционеры» проявляют позицию прагматизма (цинизма), а аддикты выступают как инфантильные;

- В Диспозиционном компоненте «Коррупционеры» проявляют себя явными эгоистами, в то время как «Аддикты НК» занимают коллективистскую позицию.

Полученные результаты позволяют сделать два важных вывода:

1. Индивидуальность коррупционера действительно отличается от индивидуальности некоррупцированного аддикта именно, по критерию «асоциальности-просоциальности», причем в сторону большей асоциальности. Это выступает аргументом в пользу подтверждения Гипотезы № 4;

2. В рамках выделенной структуры обнаруживаются и содержательные различия двух типов индивидуальности (коррупционной и аддиктивной), что подтверждает правомерность Гипотезы №5 в отношении сравнительных исследований коррупционеров и аддиктов. Причем, что важно отметить, на фоне явно социально девиантных аддиктов, коррупционеры, обладающие большим, чем аддикты, потенциалом асоциальности, выглядят как вполне просоциальные граждане. Другими словами, подтвердилась установленная нами ранее закономерность, согласно которой, чем контрастнее, по критерию асоциальности будет группа, сравниваемая с коррупционерами, тем сильнее они (коррупционеры) будут выглядеть просоциальными. Напротив, чем более просоциальной будет группа, с которой сравниваются коррупционеры, тем асоциальнее будут выглядеть коррупционеры на ее фоне. Кроме того,

этим подчеркивается достаточно высокая степень маскируемости коррупционеров, их своеобразная «просоциальная мимикрия».

5.8. Сравнение коррупционеров и не аддиктов не коррупционеров в рамках полученной первой факторной структуры коррупционного поведения

Для завершения проверки Гипотезы № 5, были произведены аналогичные процедуры сравнения и анализа (см. раздел 5.7.) в ходе сопоставления групп «Коррупционеры» и «Не аддикты НК». Опуская описание процедур и их последовательности (см. раздел 5.7.), представим итоговые результаты (см. табл.13).

Таблица 13: Различия, вычисленные по индивидуальным факторным оценкам, в рамках полученной факторной структуры коррупционной индивидуальности между коррупционерами и не аддиктами не коррупционерами

Компоненты	«Коррупционеры»	«Не аддикты НК»	t	p
Габитарный	0,11	-0,80	3,75	0,0001*
Регуляторный	0,15	-0,94	6,36	0,0001*
Интенциональный	0,16	-1,06	4,86	0,0001*
Когнитивный	0,15	-1,00	5,23	0,0001*
Поведенческий	0,07	0,46	-2,42	0,018*
Диспозиционный	-0,24	0,64	-4,08	0,0001*
Звездочкой * обозначены переменные со статистически значимыми различиями				

Результаты показывают нам, что в пространстве полученной факторной структуры еще раз подтверждается психологический симптомокомплекс коррупционеров (см. табл. 14).

- В Габитарном компоненте «Коррупционеры» занимают паразитарную позицию по отношению к социуму, в то время как «Не Аддикты НК» занимают продуктивную просоциальную позицию;

- В Регуляторном компоненте у «Коррупционеров» проявляется только произвольная регуляция поведения – импульсивность, зависимость поведения от случайных внешних и вну-

тренних импульсов и стимулов. В то время как, «Не Аддикты НК» способны осуществлять рассудочную, произвольную регуляцию поведения;

Таблица 14: Психологические симптомокомплексы коррупционеров и не аддиктов, выделенные при их сравнении в рамках полученной факторной структуры

Компоненты	«Коррупционеры»	«Не аддикты НК»
Габитарный	Паразитарность	Социальная продуктивность
Регуляторный	Непроизвольная регуляция	Произвольная регуляция
Интенциональный	Социальная оппозиционность	Социальная включенность
Когнитивный	Аферизм	Порядочность
Поведенческий	Прагматизм	Прагматизм
Диспозиционный	Эгоизм	Коллективизм

- В Интенциональном компоненте «Коррупционеры» проявляют себя как явно социально оппозиционными, в то время как «Не Аддикты НК» занимают социально включенную позицию по отношению к социуму и культуре;

- В Когнитивном компоненте «Коррупционеры», по сравнению с «Не Аддиктами НК» проявляют себя как явные аферисты и мошенники. «Не Аддикты НК» выступают как соблюдающие социальные, морально-этические правила и юридические законы.

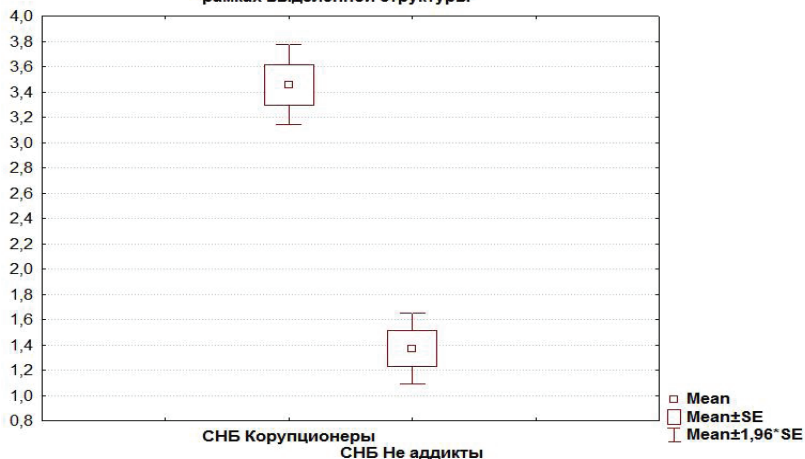
- В Поведенческом компоненте «Коррупционеры», как и «Не Аддикты НК» показывают себя прагматичными и зрелыми, но могут выступать и как циники;

- В Диспозиционном компоненте «Коррупционеры» проявляют себя явными эгоистами, в то время как «Не Аддикты НК» занимают коллективистскую позицию.

Сравнение суммарных показателей по асоциальным проявлениям индивидуальности (СНБ) у представителей групп «Коррупционеры» и «Не Аддикты НК» по критерию t – Стьюдента показало наличие статистических различий между представителями

групп: «Коррупционеры»: $M=3,45$ ($\text{Conf.Int.}=3,14 \div 3,77$); «Аддикты НК»: $M=1,37$, ($\text{Conf. Int.}=1,09 \div 1,65$); $t=9,71$, при $p<0,0000001$. Доверительные интервалы не перекрываются (см. рис. 2). Таким образом, по суммарным показателям асоциальных проявлений

Рис.2: Различия суммарных социально-негативных баллов проявлений индивидуальности коррупционеров и некоррупцированных не аддиктов в рамках выделенной структуры

коррупционной индивидуальности в рамках выделенной структуры, коррупционеры статистически значимо отличаются от не аддиктов не коррупционеров. Вновь подтвердились и критические значения вероятности коррупционного поведения. Здесь мы также можем говорить о вероятности коррупционного поведения, если насчитывается три и более проявлений (≥ 3). Важно отметить, что не коррупцированный не аддикт, как и аддикт не может набрать более двух асоциальных проявлений (≤ 2).

Полученные результаты позволяют сделать выводы о доказанности Гипотез № 4 и № 5:

1. На личностно-психологическом уровне индивидуальности между коррупционерами и не коррупцированными аддиктами и не аддиктами по критерию «асоциальности - просоциальности» действительно существуют статистически значимые и качественные содержательные отличия, что указывает на самостоятельность индивидуальности коррупционера и отсутствие ее производности от аддиктивной и не аддиктивной индивидуальности;

2. Коррупционная индивидуальность действительно определяется как самостоятельный феномен, поскольку, на личностно-психологическом уровне четко выделяется содержательно непротиворечивая, устойчивая факторная структура индивидуальности коррупционера и в рамках выделенной структуры между коррупционерами и аддиктами не коррупционерами, коррупционерами и не аддиктами не коррупционерами, определяются дифференцирующие их статистически значимые и содержательные различия.

Нами были проделаны процедуры по определению некоторых психодиагностических показателей факторной структуры. В частности, была подтверждена дифференцирующая способность полученной факторной структуры по критерию «Коррупционность» ($\phi=0,80$, $p<0,00001$; χ^2 ($df=1$) =51,33, $p<0.00001$). Логарифмические функции данных по показателям асоциальных проявлений в поведении на всех трех выборках («Коррупционеры», «Аддикты НК» и «Не аддикты НК») показали, что коррупционеры действительно представляют самостоятельную страту. При этом обнаруживается, что в рамках асоциальных проявлений коррупционной индивидуальности, столь различные страты населения, такие как аддикты и не аддикты, стоят чрезвычайно близко (рис.3). Определение площадей под кривыми вероятностных распределений [10] на новых выборках коррупционеров (с добавлением и удалением испытуемых, их варьированием с помощью генератора случайных чисел) показало, что вероятность того, что коррупционер может быть обладателем какой-либо аддикции, с вероятностью 95% составляет диапазон 45÷57% (см.рис.4).

Апробация полученной шестифакторной структуры на новых выборках испытуемых всех категорий («Коррупционеры», «Аддикты НК», «Не аддикты НК» с добавлением и удалением испытуемых с применением генератора случайных чисел) показала, что величина, в среднем, ошибки $\alpha=0,07$, отсюда доверительная вероятность того, что, с применением полученной факторной структуры можно описать реального коррупционера, составляет диапазон 90%÷93%.

Величина, в среднем, ошибки $\beta=0,10$, отсюда критериальная мощность $P=(1-\beta)$ факторной структуры – способность структуры распознать реального коррупционера - составляет, в

Рис 3 Функции

Function = $1,46 \cdot \text{Log}(x)$ "Аддикты НК"
 Function = $3,45 \cdot \text{Log}(x)$ "Коррупционеры"
 Function = $1,37 \cdot \text{Log}(x)$ "Не аддикты НК"

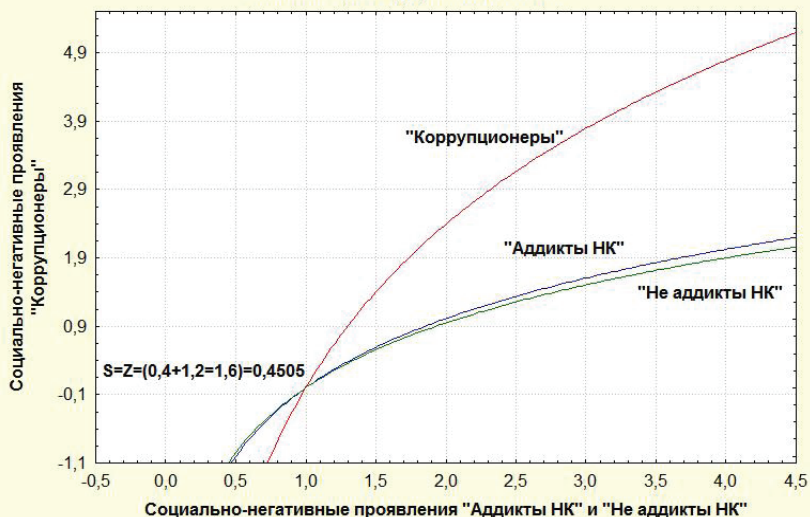
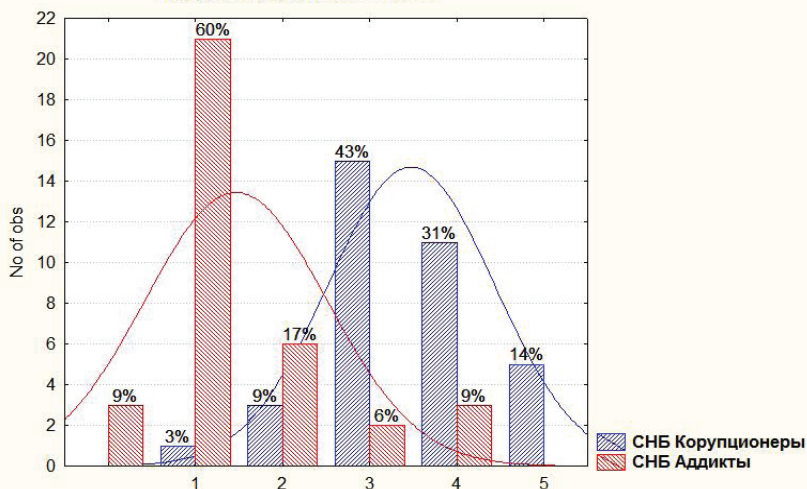

Рис.4 Вероятностное распределение коррупционеров и аддиктов по критерию асоциальных проявлений

Наложение гистограмм указывает на вероятностный процент коррупционеров с аддикциями

среднем, диапазон 88%÷90%. Соответственно, полная диагностическая способность модели, с учетом ошибок α и β , составляет примерно показатель 0,83 или 83%.

5.9. Определение маркеров коррупционного поведения на основе результатов исследования

Поскольку нами разрабатывалась эмпирическая модель коррупционной индивидуальности, то в ходе работы, также эмпирическим путем, были получены и своеобразные маркеры для распознавания коррупционной готовности личности, потенциального и реального коррупционера. Заранее оговоримся, что описываемые ниже маркеры «работают» только с применением методики «ГАЛС-2005», хотя определенная их часть, довольно успешно диагностирует коррупционеров и при простом наблюдении за поведением и деятельностью интересующего лица.

Маркер №1 – Любая аддикция. Как мы отметили ранее, вероятность того, что коррупционер может быть обладателем какой-либо аддикции, с вероятностью 95% составляет диапазон 45÷57%. На личностно – психологическом уровне индивидуальности усредненный показатель содержательной схожести личностно – психологических черт коррупционеров и аддиктов составляет 63%. Поэтому, наличие аддикции любой формы (химической или поведенческой), уже относит ее носителя к группе риска по критерию коррупционного поведения.

Маркер №2 – наличие аддикции от людей и отношений или адреналиномании, или любовной зависимости. Как мы отметили ранее, имеет место статистически подтвержденная сочетанность коррупции и таких конкретных форм аддиктивного поведения как: аддикция от людей и отношений, адреналиномания и любовная зависимость. И хотя, как было показано нами, коррупционная индивидуальность является вполне самостоятельным феноменом, со своими закономерностями и механизмами активности, саморегуляции, адаптации, тем не менее, наличие любой из этих аддикций, отдельно или сочетано, увеличивает вероятность коррупционности поведения.

Маркер №3 – Конкретные поведенческие проявления – «Поведенческий синдром коррупционера». Сравни-

тельные исследования представителей трех групп показало, что различия между коррупционерами и некоррупцированными аддиктами, равно как и коррупционерами и некоррупцированными не аддиктами, устойчиво, на статистически значимом уровне, отмечаются в следующих областях:

- 1) Соблюдение-нарушение норм и границ поведения;
- 2) Характер межличностных отношений;
- 3) Благонадежность;
- 4) Личностная и поведенческая устойчивость;
- 5) Специфика саморегуляции поведения.

Эти области полностью относятся к габитарному и регуляторному компонентам индивидуальности, отражающие изначальные установки на восприятие социо-культурной среды и состояние сферы самоконтроля и управления поведением. Поскольку в этих областях отмечаются статистически значимые и содержательные различия коррупционеров от представителей других групп, то они довольно изящно могут быть представлены как «Синдром коррупционера», который устойчиво проявляется в поведении и деятельности. Представим его развернуто в виде таблицы (см. табл. 15). Поскольку, представленный синдром является именно синдромом, то как синдром (целостная совокупность симптомов) он должен проявляться и фиксироваться полностью.

Таблица 15: «Поведенческий синдром коррупционера»

Сфера	Проявления
Отношение к социальным нормам	Любые социальные нормы воспринимаются как препятствие и потеря свободы действий. Нарушение норм и границ без явных этических или моральных переживаний.
Межличностные отношения	Демонстрация просоциального поведения. Избегание конфликтности. Подчеркнутое стремление «всем нравится». Наличие двойных стандартов.
Благонадежность	Демонстрация, в целом, благонадежного поведения при усиленном избегании ответственности. Внезапное изменение поведения или позиции в зависимости от личных интересов и материальных перспектив. Выраженная готовность к нарушению юридических норм. Скрываемый, маскируемый просоциальными намерениями и целями, аферизм.

Сфера	Проявления
Личностная и поведенческая устойчивость	Выраженная ситуативная пластичность. Внезапное изменение мнения, намерения, приоритета, позиции, отношения ради достижения цели. Поведение подвержено резким изменениям под влиянием случайных стимулов различной модальности.
Специфика регуляции поведения	Наличие перманентного психофизиологического стресса. Ослабленность рассудочного и волевого самоконтроля. Импульсивность. Сильная зависимость поведения от случайных стимулов различной модальности.

Маркер №4 – «Тестовый синдром коррупционера».

Представленный выше поведенческий синдром, довольно четко отражается и в тестовом синдроме коррупционера, обнаруживаемый при использовании методики «ГАЛС-2005». Отметим, что здесь мы приводим синдром, выделенный в ходе сравнительных исследований, то есть, определенные устойчивые показатели конкретных шкал методики, которые четко, на уровне статистической значимости, дифференцируют коррупционеров от представителей других страт населения.

Таблица 16: Тестовый «Синдром коррупционера» при использовании методики «ГАЛС-2005»

Шкалы методики «ГАЛС»	Показатели
Социальная раскрепощенность поведения	Завышенные показатели
Позитивные межличностные отношения	Завышенные показатели
Надежность	Завышенные показатели
Неустойчивость	Завышенные показатели
Эмоциональная регуляция поведения	Завышенные показатели
Квотиент саморегуляции поведения	Заниженные показатели

Как и ранее, отметим, представленный тестовый синдром является именно синдромом, поэтому, как синдром (целостная совокупность признаков), он должен проявляться полностью.

Маркер №5 – Психологический симптомокомплекс коррупционера. «...Личность предстает в виде многоуровневой

системы взаимных связей и организации свойств личности. Именно благодаря связям, в которые вступают между собой отдельные свойства, образуются так называемые симптомокомплексы свойств. Симптомокомплексом свойств называются вероятностные связи между свойствами личности. Их существует ровно столько, сколько существует относительно независимых отношений личности. Свойства, образующие единый симптомокомплекс, характеризуют тип личности» [1, с.13-14].

Свойства симптомокомплекса: [1, с.14].

- объем и широта – количество входящих в него отдельных свойств, по числу которых можно судить о степени обобщенности симптомокомплекса;

- сила и активность отношений личности к различным сторонам действительности, лежащих в основе симптомокомплекса (так называемый энергизирующий мотив);

- устойчивость – пластичность отношений личности.

Всем этим свойствам и содержанию симптомокомплекса отвечает выделенный нами психологический симптомокомплекс

Таблица 17: Психологический симптомокомплекс коррупционеров и его проявления

Компоненты	Социально-негативные проявления
Габитарный	Паразитарность жизненного стиля
Регуляторный	Слабость произвольного контроля поведения, импульсивность
Интенциональный	Социальная оппозиционность
Когнитивный	Аферизм, непорядочность
Поведенческий	Жесткий прагматизм или цинизм
Диспозиционный	Эгоизм

Применение симптомокомплекса для мониторинга и маркирования коррупционности личности интересно тем фактом, что он получен на основе математической модели, которую невозможно просчитать заранее, если вы подвергаетесь какой-то проверке. То есть, проверка кандидата, например, по симптомокомплексу обладает высокой экологической валидностью. Применение факторной модели в оболочке Exel позволяет, при написании програм-

мы обработки индивидуальных данных диагностики по методике «ГАЛС-2005», увидеть, какие и сколько факторов коррупционной индивидуальности представлено у конкретного испытуемого. Напомним, что в соответствии с полученной эмпирической моделью, потенциальным коррупционером может считаться испытуемый, набравший в рамках модели три и более (≥ 3) социально-негативных проявлений. Таким образом, здесь может быть использовано не только простое наблюдение за поведенческими проявлениями и их регистрация, но и полуавтоматическая машинная обработка (занимает, вместе с диагностикой по методике «ГАЛС», 10-12 минут).

Вообще, выделенные нами маркеры (группы маркеров) мониторинга коррупционной индивидуальности, представляют собой почти готовую разноуровневую систему профайлинга коррупционности личности. Ее содержание в сжатой форме представлено в таблице 18.

Таблица 18: Диагностическая «Батарея маркеров коррупционности личности», методы их регистрации и показатели надежности

№	Условное название маркера	Метод регистрации	Показатели надежности метода регистрации
1	Любая аддикция	«ГАЛС-2005»	90%
2	Специфичная аддикция	«ГАЛС-2005»	90%
3	Поведенческий синдром коррупционера	Наблюдение	50%-75%
4	Тестовый синдром коррупционера	«ГАЛС-2005»	90%
5	Коррупционный симптомокомплекс	Программа «ИКС-2017	83%
Средний суммарный показатель			81%÷86%

На ее основе можно также создавать специализированные регистрационные анкеты. Введение квотиента коррупционности позволяет оценивать степень коррупционной готовности личности.

6. Выводы из результатов эмпирического исследования

1. В ходе проведенного исследования, проверялось два предположения. Согласно первому предположению – коррупция является формой аддиктивного поведения – следовательно, психологические аспекты этиологии, форм, проявлений и профилирования коррупции, закономерности личностных особенностей коррупционера следует искать на основе закономерностей аддиктивной индивидуальности.

Согласно второму предположению – коррупционная индивидуальность (личность) представляет собой самостоятельную, систему, имеющую свои активирующие, управляющие, саморегуляционные и адаптационные компоненты, следовательно, в поисках психологических аспектов этиологии, форм, проявлений и профилирования коррупции, закономерностей личностных особенностей коррупционера следует исходить из тезиса о самостоятельности коррупционной индивидуальности, а не ее производности от аддиктивной или нормативной индивидуальности.

2. Сравнительные исследования с применением диагностической методики «ГАЛС-2005» трех групп испытуемых – коррупционеры, некоррупцированные аддикты и некоррупцированные не аддикты – выявили следующие закономерности:

- Вероятность того, что коррупционер может быть обладателем какой-либо аддикции, с вероятностью 95% составляет диапазон 45÷57%.

- Статистически подтверждена сочетанность коррупционного поведения и таких конкретных форм аддиктивного поведения как: аддикция от людей и отношений – 41%, адреналиномания – 38% и любовная зависимость – 36%. Поэтому, наличие любой аддикции, и тем более этих аддикций, отдельно или сочетано, увеличивает вероятность коррупционности личности.

- На личностно – психологическом уровне индивидуальности усредненный показатель содержательной схожести личностно – психологических особенностей коррупционеров и аддиктов составляет 63%.

- Тем не менее, между коррупционерами и не коррупцированными аддиктами, коррупционерами и не коррупцированными

ми не аддиктами обнаружены и статистически значимые и качественные содержательные различия, основная линия которых проходит по критерию «асоциальности - просоциальности», что служит одним из значимых показателей самостоятельности индивидуальности коррупционера.

- Сравнительные исследования также показали, что чем контрастнее, по критерию «асоциальности-просоциальности» будет группа, сравниваемая с коррупционерами, тем сильнее они будут выглядеть просоциальными. Напротив, чем более просоциальной будет группа, с которой сравниваются коррупционеры, тем асоциальнее будут выглядеть коррупционеры на ее фоне.

3. Содержательная специфика коррупционной индивидуальности, границы которой проходят по критерию «Просоциальность – Асоциальность» наиболее отчетливо проявляется в таких областях как:

- Соблюдение – нарушение границ и норм поведения;
- Соблюдение – нарушение юридических норм и законов;
- Личностная зрелость;
- Специфика межличностных отношений;
- Личностная и поведенческая неустойчивость;
- Специфика саморегуляции поведения.

Эти области полностью отражают изначальные установки личности на восприятие социо-культурной среды и состояние сферы самоконтроля и управления поведением. Статистически значимые различия указывают на самостоятельность коррупционной индивидуальности, отсутствие ее производности от аддиктивной или не аддиктивной нормативной индивидуальности.

4. Окончательно сущностные особенности коррупционной индивидуальности, представленность ее как системы, самостоятельность коррупционной индивидуальности, представленность ее как системы, имеющей свои активизирующие, управляющие (саморегуляционные) и адаптационные компоненты, были обнаружены с помощью факторного анализа.

5. Была выделена шестифакторная простая устойчивая структура личностно - психологического уровня индивидуальности коррупционера с общим процентом объясняемой дисперсии 78% (нормативный показатель 51%) и подтвержденной устойчивостью каждого из шести факторов (метод Левандовского).

6. Выделенная структура действительно обнаруживает признаки системы. Габитарный и поведенческий - активность коррупционной индивидуальности. Регуляторный и когнитивный компоненты структуры - управляющие (саморегуляционные) компоненты коррупционной индивидуальности. Интенциональный и диспозиционный компоненты структуры – компоненты адаптационного ресурса и результата коррупционной индивидуальности.

7. Сущностное содержание и противоречия каждого из шести факторов также дифференцируют личностные и поведенческие проявления коррупционеров по критерию «асоциальность-просоциальность»:

- Габитарный компонент - противоречие между готовностью к фактически паразитической эксплуатации социо-культурной среды и просоциальной, продуктивной включенностью в нее. Изначальная негативистская или позитивистская установка на восприятие социо-культурной среды, восприятие ее либо как чуждого (находящегося вовне) источника эксплуатации, либо как естественной и нормальной среды обитания.

- Регуляторный компонент – подчиненность механизмов самоконтроля и управления поведением побуждению к реализации коррупционного поведения, провоцируемого внешними или внутренними стимулами. Импульсивность и зависимость поведения от спонтанных импульсов и стимулов. Сиюминутность возникновения и удовлетворения потребностей.

- Интенциональный компонент - конфликт между стремлением к социально-позитивной включенности в систему развитых и поддерживаемых официальных и неофициальных контактов и отношений и стремлением находиться в оппозиции к социуму, готовность противопоставлять себя обществу вплоть до нарушения морально-этических и юридических норм.

- Когнитивный компонент – соблюдение - нарушение социальных и юридических норм.

- Поведенческий компонент - откровенно пренебрежительное отношение к социальным нормам - морали, культурным ценностям, представлениям о нравственности, официальной идеологии, юридическим законам. Социальные, этико-моральные нормы и ценности воспринимаются как препятствие на пути достижения прагматичных личных целей. При этом циничная позиция задаёт

установку на редуцирование, упрощение, девальвацию любых, в том числе и своих собственных, мотивов и ценностей, которые выходят за пределы личных прагматичных интересов.

- Диспозиционный компонент - борьба диспозиций, отражающих, либо приоритетную личную значимость коллективистских (групповых), либо личных эгоистических интересов.

8. Сравнение коррупционеров и некоррупцированных аддиктов, коррупционеров и некоррупцированных не аддиктов в рамках полученной факторной структуры с применением сравнительного анализа индивидуальных факторных оценок показало, наличие статистически значимых и качественных содержательных отличий коррупционеров от представителей других групп, проходящими по критерию «асоциальности - просоциальности», что указывает на самостоятельность индивидуальности коррупционера и отсутствие ее производности от аддиктивной и не аддиктивной нормативной индивидуальности.

9. Были проделаны процедуры по определению некоторых психодиагностических показателей факторной структуры. В частности была подтверждена дифференцирующая способность полученной факторной структуры по критерию «Коррупционность - Некоррупционность». Логарифмические функции данных по показателям асоциальных проявлений в поведении показали, что коррупционеры действительно представляют самостоятельную страту. При этом обнаружилось, что в рамках асоциальных проявлений коррупционной индивидуальности, столь различные страты населения, такие как аддикты и не аддикты, стоят чрезвычайно близко.

10. Апробация полученной шестифакторной структуры на новых выборках испытуемых всех категорий (с добавлением и удалением испытуемых, их варьированием с применением генератора случайных чисел) показала, что величина, в среднем, ошибки $\alpha=0,07$, отсюда доверительная вероятность того, что, с применением полученной факторной структуры можно описать реального коррупционера, составляет диапазон $90\% \div 93\%$.

11. Величина, в среднем, ошибки $\beta=0,10$, отсюда критерияльная мощность $P=(1-\beta)$ факторной структуры – способность структуры распознать реального коррупционера - составляет, в среднем, диапазон $88\% \div 90\%$. Соответственно, полная диагностическая способность модели, с учетом ошибок α и β , составляет примерно показатель 0,83 или 83%.

12. В ходе исследований были получены различные практико-ориентированные маркеры коррупционной личности и поведения: аддитивный, специфических аддикций, «поведенческий синдром коррупционера», «тестовый синдром коррупционера» (по методике «ГАЛС»), психологический симптомокомплекс коррупционера.

13. Они могут использоваться как отдельно, так, и в связке, для диагностики, мониторинга и прогноза коррупционного поведения. На их основе можно также создавать специализированные регистрационные анкеты. Появляется возможность создания специализированных технологий мониторинга и профайлинга коррупционной личности. Введение квотиента коррупционности, разработка которого стала возможна с появлением данных маркеров, позволяет оценивать степень коррупционной готовности личности.

14. Процедуры математического моделирования позволили определить, что суммарная надежность результатов оценки личности по разработанной батарее маркеров коррупционной индивидуальности составляет диапазон 81%÷86% (в зависимости от профессионализма диагноста).

15. На основе полученной факторной модели, с использованием методов Z - стандартизации и сравнения индивидуальных факторных оценок в рамках структуры результатов индивидуальной диагностики по методике «ГАЛС-2005, в оболочке Excel разработана опция полуавтоматической обработки данных для определения потенциальной и реальной коррупционности личности – «ИКС» - «Интегративный Коррупционный Симптомокомплекс», включенная в психодиагностическую методику «ГАЛС-2005 v.18 ИНКОМ» (автор и разработчик А.В. Смирнов).

Задание для творческого закрепления материала

В завершении материала в качестве практического задания рекомендуем потренироваться в создании диагностической анкеты направленной на выявление потенциального коррупционера. Вы можете использовать как отдельные маркерные блоки, так и всю батарею маркеров совместно.

- Оцените эффективность диагностики.

- Определите сильные и слабые ее стороны.
- Внесите собственные практические предложения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверин В.А. Психологическая структура личности // Психология личности: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. – 89 с.
2. Левандовский Н.Г. О корректности применения факторного анализа и о критериях факторизации // <http://voppsy.ru/issues/1980/805/805138.htm>
3. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 448 с.
4. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. Учеб. пособие. – СПб.: «Речь», 2004 – 392 с.
5. Смирнов А. В. Психология аддиктивного поведения: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. – 379 с.
6. Смирнов А.В. Графологическая психодиагностика личности с использованием методики ГАЛС-2005: научное издание. - Екатеринбург: ИРА УТК, 2008. - 266 с.
7. Смирнов А.В. Коррупция как полифакторный феномен // Педагогическое образование в России. 2014. № 10. – С. 47-52
8. Смирнов А.В. Особенности аддиктивного поведения у мужчин и женщин : моно-графия ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2015 – 400 с.
9. Смирнов А.В. Эмпирическое исследование коморбидности (сочетанности) аддикций // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». Москва. № 3, 2011 С.37-44.
10. Сулицкий В.Н. Методы статистического анализа в управлении. – М.: Дело, 2002. – 520 С.
11. Шматко Н.А. Габитус в структуре социологической теории // Журнал социальной психологии и антропологии. – Т 1, №2, 1998. – С. 60-70.

© Смирнов А.В., 2018

Наши авторы

Ежов Павел Юрьевич кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры
«Общей психологии и конфликтологии»,
e-mail: pavelzhov96@mail.ru

Новикова Ольга Васильевна
Старший преподаватель Кафедры
«Общей психологии и конфликтологии»
e-mail: more20063@yandex.ru

Оболенская Алена Германовна
Кандидат экономических наук
Доцент кафедры «Акмеологии и психологии среды»
e-mail: a.obolenskaya@mail.ru

Смирнов Александр Васильевич
Доктор психологических наук, профессор кафедры
«Общей психологии и конфликтологии»
e-mail k-66756@planet-a.ru

Учебное издание

Коррупция:
заметки на полях

Уральский государственный
педагогический университет.
620017 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: uspu@uspu.me